

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

XX ВЕК
представляет.
КАДРЫ И КАДАВРЫ

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

Москва · 2018

УДК 930.85
ББК 63.3(0)6
КТК 0330
Т 76

Трофименков М.

Т 76 XX век представляет. Кадры и кадавры : [сборник эссе]. – М. : Флюид ФриФлай, 2018. – 416 с. – (Книжная полка Вадима Левенталя).

Блок писал: «век девятнадцатый, железный». Двадцатый век — это век динамита и напалма, газа и тротила, радиации и биологического оружия, термоядерных реакций, а главное — крови, крови, крови, полноводных рек крови на всех континентах. Книга Михаила Трофименкова поднимает читателя над двадцатым веком на высоту птичьего полета, заставляет взглянуть в это страшное столетие целиком, а значит — обобщить и сделать выводы. Политика и культура, искусство и война, история и философия в этой книге дополняют и объясняют друг друга. Мощнейшее чтение от одного из умнейших людей России.

ISBN 978-5-906827-80-7

© М. Трофименков, 2018
© ИД «Флюид ФриФлай», 2018
© П. Лосев, оформление, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Родился примерно в таком-то году, умер примерно в таком-то», — так в энциклопедиях пишут о персонажах далекого прошлого. Недостоверными и сомнительными бывают и даты жизни фигурантов новейшей истории. Тогда речь идет или об авантюристах, выскочивших на авансцену в смутные времена и сгинувших неведь куда, или о непризнанных талантах, от которых не осталось ничего, кроме книжки стихов в эфемерном издательстве или пары десятков картин.

Со столетиями, которые вполне можно представить в человеческом облике — тот век сварлив, этот галантен, — все наоборот. Чем ближе они к нам, тем больше споров о том, когда век начался, когда закончился.

Илья Эренбург на все лады повторял — в согласии со многими современниками — полюбившийся ему парадокс: «Деятнадцатый век прожил больше положенного — он начался в 1789 году и кончился в 1914-м», то есть длился от Великой французской революции до Первой мировой войны. Двадцатый век, напротив, многие современники поторопились похоронить, приняв за его финал мнимый конец холодной войны в 1989 году.

Ближе к истине был Лев Копелев, незадолго до смерти писавший о новой столетней войне, начавшейся в 1900 году, когда армии «великих держав» взяли штурмом мятежный Пекин, и длящейся поныне. То, что мы называем «мировыми войнами» — лишь моменты ее предельного обострения. Скорее, но это

мелкое уточнение, XX век начался — по Ленину — в 1898 году, с восходом империализма и началом передела мира: речь идет уже не о столетней, а о 120-летней войне.

То, что XX век никак не может закончиться, подтверждают военные сводки последних 25 лет. В них мелькают те же Басра, Сараево, Луганск, что в 1914-м или 1918-м. Противостоящие друг другу в новых/старых конфликтах силы упрямо, но безуспешно рубят гордые узлы, завязанные в годы накануне Первой мировой.

Девятнадцатый век — воистину век прогресса — был стремительнее, чем двадцатый.

В конце XIX-го великие державы решали новые геополитические задачи, а не пытались разобраться с последствиями наполеоновских походов, отданных на откуп историкам.

Люди конца XIX века не обращались к событиям его начала как к модели современных конфликтов. А вот Коппола безошибочно использовал («Апокалипсис сегодня», 1979) роман Конрада «Сердце тьмы» (1903) о повседневном бреде колониализма как ключ к войне в Индокитае.

К текстам, обжигающе актуальным в 1801 году, никто не обращается за объяснением событий, скажем, 1918 года. Но кажется ли в 2018 году безнадежно устаревшим памфлет, американский автор которого — от лица «цивилизованного мира» — апеллирует в 1901 году к «Человеку, ходящему во Тьме», обитателю, как сказали бы сейчас, «третьего мира»:

Разъясним ему все как надо. Скажем ему следующее: «Факты, которые мы изложили, могут показаться вам сомнительными, но это не так. Да, мы лгали, но из высоких побуждений. Да, мы поступали вероломно, но лишь для того, чтобы из кажущегося зла родилось подлинное добро. Да, мы разгромили обманутый доверчивый народ; да, мы предали слабых, беззащитных людей, которые искали в нас опору...; мы заставили наших чистых юношей взять в руки опозоренное оружие и пойти на разбой под флагом, которого в былые времена разбойники боялись; мы запятнали честь Америки, и теперь весь мир гля-

дит на нас с презрением, — но все это было к лучшему. Для нас это совершенно ясно. Ведь руководители всех государств в христианском мире, равно как и девяносто процентов членов всех законодательных учреждений в христианских государствах..., являются не только верующими христианами, но также и акционерами треста «Дары Цивилизации». <...> От самих себя мы не скроем, что в глубине души нас тревожит честь американской армии. Мундир солдата — один из предметов нашей гордости, ...и нам совсем не по душе та миссия, которую он в настоящее время выполняет. А наш флаг! <...> Заведем специальный флаг, — ведь имеются же у наших штатов собственные флаги! Пусть даже останется старый флаг, только белые полосы на нем закрасим черным, а вместо звезд изобразим череп и кости.

Это что, одинокий левый радикал, какой-нибудь Ноам Хомский, пишет о Югославии, Ираке, Ливии? Нет, великий Марк Твен мечет молнии по поводу испано-американской войны (1898). Начатая под лозунгом освобождения от колониального гнета Кубы, Филиппин, Пуэрто-Рико, она переросла в карательную экспедицию против освобожденных народов. По итогам войны США получили в бессрочную аренду базу Гуантанамо на Кубе. Еще одно слишком актуальное географическое название.

Трагическая исключительность XX века не в его пресловутой жестокости — все эпохи жестоки. А в том, что он, отказываясь заканчиваться, кусает себя за хвост, движется по замкнутому кругу. Самым актуальным писателем остается Брехт. Философом — Грамши («Тюремные тетради»). Поэтами — Маяковский («Лучший стих») и Мандельштам («Стихи о неизвестном солдате»). Это — страшно сказать — «проигранный век». Век проигранной надежды не просто на возможность, но на осязаемую, почти состоявшуюся возможность — впервые в истории — справедливого общества. По итогам мировой революции, надежда на которую только и придавала веку смысл, его считай что и не было: мир отброшен к исходной точке столетия, на авансцену истории вернулись неуспокоенные призраки прошлого.

Но — вопреки очевидности — невозможно принять и признать, что человеческая энергия жажды справедливости, солидарности и прогресса, породившая звездные часы века — лавы Первой Конной, Магнитку и Мадрид, «великий поход» Мао, концерт Руслановой на руинах Рейхстага и Сьерра-Маэстру, спасение экспедиции Нобиле, орбитальный виток «Востока-3А» и шаг Армстронга на Луну, — выгорела впустую. В конце концов:

Призрачно все в этом мире бушующем.
Есть только миг, за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называется жизнь...

* * *

Эта книга — субъективная авторская попытка наметить некоторые закольцованные силовые линии XX века — основана на текстах, написанных для изданий ИД «Коммерсантъ», журналов GQ и «Сеанс». Но эти тексты переработаны, переосмыслены, расширены и доведены до грани, за которой мозаика века рискует превратиться в претензию на очерк его истории.

Эту книгу увидела в поденной круговерти текстов, придумала и «заставила» написать моя жена, «внутренний редактор» и соавтор Марина Кронидова.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПЕРВОЕ

«Пароход, снаряженный городом Манаусом, разбогатевшим на каучуке, поднялся по Амазонке; на борту — знать и звезды со всего мира. Всю ночь общество пило и танцевало, а пароход тем временем, медленно сбиваясь с курса, терялся в лесных лабиринтах. Его нашли в одном из бесчисленных притоков, когда пассажиры уже умерли от голода, жажды и зноя».

Душераздирающую историю о неудачной встрече XX века обнаружил — а скорее, придумал — Жан Бодрийяр. Придумалось складно — хороший эпиграф к «жестокому» столетию, — но ретроспективно. Современники проклинали век уходящий:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!

(Блок)

Девятнадцатый век... был носителем чужого, враждебного и могущественного начала, с которым боролась вся наша история, — активная, деятельная, насквозь диалектическая, живая борьба сил, оплодотворяющих друг друга. Он был колыбелью Нирваны, не пропускающей ни одного луча активного познания...
Скрытый буддизм, внутренний уклон, червоточина. Век не исповедовал буддизма, но носил его в себе как внутреннюю ночь, как слепоту крови, как тайный страх и головокружительную слабость (Мандельштам).

Великое косноязычие: ну при чем тут буддизм? За что они его так, этот несчастный XIX-й?

«Если бы знать, если бы знать!» — возглас Ольги завершал «Три сестры» (1901) Чехова. По иронии истории, 25 ноября

1901-го Алоис Альцгеймер приступил к изучению прославившей его имя болезни — благодати незнания.

Ольга не знала. Чехов догадывался. Географ Фридрих Ратцель не сомневался: истребление слабых видов позволит сильным эволюционировать и прогрессировать («Жизненное пространство», 1901). Ратцель — по образованию зоолог, как и чеховский фон Корен («Дуэль», 1891), чеканивший, прихлебывая окрошку: «Наша культура значительно ослабила борьбу и подбор, и мы должны сами позаботиться об уничтожении хилых и негодных».

Штат Индиана первым отозвался на рождение генетики (1905) законом о стерилизации неполноценных особей (1907). В Европе почин подхватило (1909) общество «Шведской расовой гигиены», зародыш Государственного института расовой биологии (1921) во главе с экс-премьером Яльмаром Хаммаршельдом. Его сын, генсек ООН Даг Хаммаршельд, штыками «голубых касок» санирует (1961) новорожденную республику Конго (Киншаса) во имя расово-контрреволюционной гигиены, погубит Патриса Лумумбу и, заплутав в интригах, погибнет темно и страшно.

В 1901-м 18-летний Кафка получает аттестат зрелости, 11-летний Гитлер ходит в первый класс реальной школы в Линце, семилетний Мао собирается в сельскую школу изучать конфуцианство и средневековые романы «Троецарствие» и «Речные заводы». Похоронив отца, 12-летний Чаплин оставляет комическую труппу «Ланкаширские парни», где потешал публику, наряженный кошкой. Двадцатидвухлетний Малевич работает чертежником в управлении Курско-Московской железной дороги, а 23-летний Сталин переходит на нелегальное положение: жандармы явились с обыском в Тифлисскую физическую лабораторию, где он работал вычислителем-наблюдателем. Журналист Черчилль, 26-летний герой колониальных войн, дебютирует в Палате общин (18 февраля 1901) призывом проявить милосердие к бурам и помочь им смириться с поражением в последней войне королевы Виктории.

Девятнадцатый век хоронили в Лондоне вместе с умершей 22 января 1901 года Викторией: она царствовала 64 года и дала имя целой эпохе ханжества, прогресса, империализма. Прощальный подарок викторианства миру (сентябрь 1900) — концлагеря, созданные в Южной Африке лордом Китченером: за колючей проволокой умерло до 25 000 из 200 000 загнанных туда упрямых буров, точнее говоря, их жен и детей.

Справедливости ради: британцы лишь дали имя новому феномену. В США лагерь для пленных южан Андерсонвилль уже претендовал на звание лагеря смерти. Испанцы уже «сконцентрировали» (1897) на Кубе 300 000 крестьян, пытаясь лишить повстанцев народной поддержки. Их опыт скопируют британцы в Малайе, французы в Алжире, янки во Вьетнаме.

Виктория успела узнать, что на глазах лондонцев заезжий фокусник Гарри Гудини заставил исчезнуть натурального слона. Гудини еще вынырнет (1903) из Темзы, куда его бросят, скованного по ногам и рукам и с 30-килограммовой гирей-бонусом, освободится (1908) из Бутырки и Петропавловки, якобы поменяв местами заключенных в камерах: шутка в духе Джокера. Революция (1905–1907) уже удавлена «столыпинским галстуком». Гудини следовало посетить Россию раньше, когда в Петропавловке сидел Горький, в Бутырке — Маяковский и лейтенант Шмидт. Может, освободил бы кого — шутки ради.

Что такое этот финал «*belle époque*» — беззаботной «прекрасной эпохи»? Припозднившийся XIX век? Капля тяжелой воды, в которой заключены грядущие беды? Велико искушение прочитать любое событие как символический эпитаф к будущему.

Открытие нефти — крови XX века — в Техасе (10 января 1901) и Персии (26 мая 1908): первые в истории IPO разместит именно нефтяная компания. Доклад супругов Кюри в Академии наук (26 декабря 1898) — произнесено слово «радиоактивность». Передача Маркони телеграммы через Атлантику (12 декабря 1901) — начало глобализации. Мадридский доклад Ивана Павлова (октябрь 1903) «Экспериментальная психология

и психопатология животных» — открытие условных рефлексов. Статья Эйнштейна «Электродинамика движущихся тел» (30 июня 1905) — начало теории относительности. Рождение квантовой теории (1900), открытие хромосомы (1904). Изобретение диода (1904), триода (1906), телевидения (1907), конвейера и счетчика Гейгера (1908).

Калужский городской сумасшедший Циолковский публикует библию космонавтики «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903). Космосом грезит и добрый волшебник, отец спецэффектов Мельес в феериях «Путешествие на Луну» (1902) и «Путешествие через невозможное» (1904). Героев провожают в космос щедро раздетые кафешантанные девы; мордочка Луны кривится, когда ракета попадает ей в глаз; профессор Барбанфуй отбивается зонтиком от селенитов.

Шутки шутками, но люди уже преодолели земное притяжение. Братья Райт пролетели на своем Flyer 260 метров за 59 секунд в Килл-Девил-Хилл, Северная Каролина (17 декабря 1903). Через год научатся закладывать виражи на Flyer 2, еще через год продержат Flyer 3 в воздухе рекордные 39 минут.

Боги десятилетия — авиаторы: Луи Блерио (25 июля 1909-го он перелетел Ла-Манш), Михаил Ефимов, Альберт Сантос-Дюмон, Анри Фарман. Богиня — баронесса де Ларош: первая женщина-авиатор поднялась в воздух 22 октября 1909-го; она и погибнет в воздухе десять лет спустя. Блюдя традицию абсурда, лорд Брейбейзон взял с собой на борт поросенка (1909): 4 ноября — не только День народного единства, но и День летающей свиньи.

В октябре 1910-го подняться в воздух рискнут Столыпин (по легенде, пилот обещал эсерам разбиться вместе с премьером, но не сдержал слова и после приземления покончил с собой) и Теодор Рузвельт: прогресс завораживает самых жестоких политиков. Их не пугает то, что авиация уже собрала кровавую жатву: к 1910 году разбились 30 пилотов, одну француженку и одного английского мальчика упавшие самолеты убили на земле.

Райты (5 января 1909) «не верят, что аэропланы заменят поезда и пароходы»: зато, по их инициативе, создана первая военная эскадрилья (2 августа 1909), прошла (19 января 1910) первая тренировочная бомбардировка — пока еще мешками с песком. Прогресс не дремлет: появились огнеметы (1901), броневые автомобили (1902), ручные гранаты современного типа (1904), дредноуты (1906).

Но рассчитывал мир все-таки на скучное, методичное будущее. В 1901-м родились канцелярская скрепка, пылесос, растворимый кофе и бритва со сменными лезвиями, а Фрейд опубликовал «Психопатологию повседневной жизни». Истинное будущее предвещают названия других книг. «Война миров» (1898) Уэллса и «Пляска смерти» (1901) Стриндберга. «На дне» (1902) Горького и «Сердце тьмы» (1902) Конрада. «Ящик Пандоры» (1904) Ведекинда и «Железная пята» (1906) Джека Лондона.

Чем не символ десятилетия сенсационная ретроспектива 71 картины Ван Гога в парижской галерее «Бернхайм-Жен» (17 марта 1901)? Еще в моде сладострастно мистический модерн Климта и Штука, туманный символизм, импрессионизм в музыке. Но самоубийственная экспрессия живописи и жизни Ван Гога предвещает стилистику, адекватную XX веку.

Новейшие направления сменяют вчера-еще-новейшие в том же неестественно ускоренном ритме, в каком двигаются фигуранты немого кино. Критик Луи Воксель сравнил (октябрь 1905) классическую скульптуру, затесавшуюся в зал Осеннего салона, где экспонировались Матисс, Дерен, Вламинк, с «Донателло в клетке диких зверей»: *fauve* — «дикий» (*фр.*). Фовисты «швырнули в лицо публике горшок с краской», то есть цвет — открытый, сочный, упоенный солнцем Средиземноморья. А германский гений уже пропитал — или нам это только кажется — цвет тревогой, истерикой: в Дрездене возникла (7 июня 1905) группа экспрессионистов «Мост».

Пройдя сквозь «розовый» и «голубой» периоды, Пикассо разломал (июль 1907) и собрал наново тела «Авиньонских де-

вушек», превратив девок из барселонского борделя на Авиньонской улице в языческих идолов: термин «кубизм» введет в обиход тот же Воксель (9 декабря 1908). Не пройдет и трех месяцев, как (20 февраля 1909) «Манифест футуризма» Маринетти восславит скорость, машины, войну. Еще немного, и Кандинский напишет (1911) первую абстрактную акварель.

Первыми приветствуют модернизм наделенные гениальной интуицией купцы Иван Морозов и Сергей Щукин. Первые в истории Россия не то что входит в моду, а становится предметом культа. Дягилев запускает «Русские сезоны» (1907), с третьей попытки Европа падет к его ногам: парижская премьера (25 июня 1910) «Жар-птицы» Стравинского — даже не триумф, а экстаз. Забыв времена «покоренья Крыма», Великобритания и Франция принимают (31 августа 1907) Россию в Антанту — «Сердечное согласие». В следующий раз Россия завоюет всемирную любовь, когда большевики с Антантой порвут.

Мир влюблен в русских моряков, спасавших жертв землетрясения в Мессине (28 декабря 1908), и шокирован решением Священного синода (24 февраля 1901) об «отпадении» Льва Толстого от церкви. Граф ходит в пророках даже в Южной Африке, где 37-летний адвокат индусской общины Махатма Ганди основывает на толстовстве (11 сентября 1906) доктрину «сатьяграхи» — ненасильственного сопротивления, заодно отказавшись от половой жизни: освобождение Индии от британского гнета требует концентрации всех его сил. Сорок два года спустя победу сатьяграхи Индостан отпразднует резней, унесшей сотни тысяч жизней индуистов и мусульман.

Гедеоновское общество снабжает гостиницы Библиями (1908), 22 августа 1909-го дух Жанны д'Арк излечивает в Лурде туберкулезника, но миру нужны другие пророки. Три дня кряду (8–10 апреля 1904) голос Айваса, слуги Хора, сына Исиды и Осириса, диктует «Книгу Закона» Алистеру Кроули, которого даже родная мать якобы прозвала «зверем 666». Николай II, пе-

репробовав целую череду шарлатанов, выбрал (1 ноября 1905) «божьего человека» Григория Распутина.

Монархи не чувствуют, как сгущается их Варфоломеевская ночь. Новому веку отсалютовал анархист Гаэтано Бреши, застрелив (29 июля 1900) итальянского короля Умберто I. В Белграде (11 июня 1903) офицеры гвардии ворвались в королевский дворец, изрешетили, искололи штыками, сбросили под сапоги толпы с балкона венценосную чету — Александра и Драгу (на их обнаженных трупах насчитают по 40–60 рубленых ран), убили трех братьев королевы, премьера, военного министра.

Португальские карбонарии (1 февраля 1908) застрелили короля Карлуша и 20-летнего наследника престола. Отбившись букетом, королева Амелия спасла жизнь второму сыну — Мануэлу. Мануэл II предпочитал проводить время с любовницей из парижского кафешантана в выстроенном для нее «охотничьем домике» — шедевре сумасшедшей португальской архитектуры. Мучиться на троне ему пришлось недолго: 4 октября 1910-го мятежные крейсера обстреляли, предваряя залп «Авроры», его дворец — король с облегчением бежал в Великобританию.

Из горящего Пекина бежала императрица Цыси (14 августа 1900-го), переодевшись крестьянкой, отрезав царские, не знавшие ножниц ногти. Персидский шах укрылся (13 июля 1909) в русском посольстве. Николай II еще был в силах не только спрятать собрата за стенами миссии, но и бросить против повстанцев — фидаев — своих казаков. Турецкому султану бежать было некуда, когда младотурки повели (12 июня 1908) Третью Македонскую армию на Стамбул.

Восьми державам, чьи войска вступили в Пекин в день бегства Цыси, сняв с дипквартала 55-дневную осаду мятежных «боксеров», кажется, что «большая дубинка» — этот термин ввел Теодор Рузвельт 2 сентября 1901 года — усмирила не более чем очередной бунт низших рас. Европе вообще кажется, что она

живет в эпоху без войн: первую Нобелевскую премию мира (10 декабря 1901) получили основатель Красного Креста Анри Дюнан и пацифист Фредерик Пасси.

Войны нет и не предвидится, но три пули уже засели в теле капитана Драгутина «Аписа» Дмитриевича, на память о той ночи, когда он убивал сербских венценосцев. Это он, глава организации «Черная рука», связанной с русским генштабом, снарядит в 1914-м убийц эрцгерцога Франца Фердинанда. Интересно, в екатеринбургском подвале Николаю II не мерещились призраки Александра и Драги? Казнь Романовых вполне умещалась в рамки политической культуры своей эпохи.

Никто не знает, что мировая война уже идет с 15 февраля 1898 года, когда на рейде Гаваны взлетел на воздух американский броненосец «Мэн» с 200 членами экипажа: прообраз «11 сентября», первая из провоцирующих войны необъясненных трагедий. США только и ждали взрыва, чтобы отобрать у Испании лакомые Кубу, Филиппины, Пуэрто-Рико. Как раз в 1898-м экспансия Франции и Великобритании достигла пика: их военные экспедиции чуть не перестреляли друг друга в Центральной Африке. Делить в мире больше нечего: пришло время передела.

Прекрасная эпоха геноцидов.

Самый известный из них — резня гереро и нама в Юго-Западной Африке немецким генералом Лотаром фон Тротта (январь 1904 — сентябрь 1907): из 80 000 гереро уцелели 15 000, а всего погибло до 150 000 мятежников: еще 120 000 автохтонов немцы истребили в Танганьике. Каратели потеряли 750 человек убитыми и пропавшими без вести. В отличие от методичных пруссаков, прочие генштабы дикарей не считают. Французы на Мадагаскаре (1895–1905) уложили от 100 до 700 тысяч островитян. Американское завоевание стоило филиппинцам от 200 000 до 1,5 млн жизней, армии США — 4 000, причем 75% из них умерли от болезней.

Это — на войнах, если при таком соотношении потерь вообще уместно слово «война». Но между войнами истребление «слабых видов» — конголезцев бельгийцами, индонезийцев голландцами, китайцев всеми кому не лень — не останавливается ни на день. Туземцы дегуманизированы так, как нацисты не сумеют дегуманизировать евреев. Они лишены прошлого: великие культуры стерты с лица Земли, вычеркнуты из истории, их обломками можно теперь скорбно восхищаться лишь в парижском музее на набережной Бранли. Они лишены будущего, поскольку лишены доступа к образованию. Об их настоящем сказать нечего.

Случались и показательные процессы козлов отпущения. По пять лет получили (август 1905) чиновник Жорж Токе и торговец Фернан Го за то, что в форте Крампель — забытом богом французском аванпосте в Убанги-Шари — обмотали (14 июля 1903) динамитными шашками голову проводнику Пакпа. Туземец вроде бы завел французский отряд в засаду. Это они, если кто не понял, отметили День взятия Бастилии.

Глупо, конечно, получилось, но туземцы приняли эту смерть за чудо и сидят теперь тише воды ниже травы. <...> ...ни следа ни ружейного выстрела, ни удара ассегайя: тот, кто не захотел дружить с Белыми, умер каким-то чудесным образом.

Пятнадцатого мая 1920-го самого Токе расстреляют под Парижем: его, как и Пакпа, обвинят в измене: цивилизатор Африки, работавший журналистом в Арденнах, оказался на временно оккупированной немцами территории.

Живи аборигены в Арктике, истребили бы и их. Но Роберту Пири, с восьмой попытки достигшему (6 апреля 1909) Северного полюса, пришлось сублимировать воинственность в сваре с Фредериком Куком, уверявшим, что побывал на полюсе еще 21 апреля 1908-го.

Классовые отношения в метрополиях отстояли от колониальных нравов на световые годы, но на современный взгляд были вполне варварскими. Название книги Эптона Синклера

о чикагских бойнях «Джунгли» (1906) описывает их исчерпывающе, как и «Протестантская этика и дух капитализма» (1904) Макса Вебера, «Фабрика» (1903) Блока:

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты
Подходят люди к воротам.
<...>
Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

Введение во Франции 11-часового рабочего дня (30 сентября 1900) и 9-часового для несовершеннолетних (5 февраля 1902) — апогей гуманизма. Весной 1903-го Рузвельт отказывается встретиться с участниками 284-тысячного марша 10–15-летних пролетариев. В 1904-м на рабочих местах в США погибают 27 000 человек. Сто сорок шесть работниц сгорели или разбились, прыгая с девятого этажа (25 марта 1911) при пожаре на манхэттенской швейной фабрике. Один взрыв рудничного газа во французском Курьере (10 марта 1906) уносит 1099 жизней. Манифестации 5 мая 1907-го кладут начало восстанию виноградарей Лангедока: по улицам Монпелье шествует до 800 000 бунтовщиков. Армия стреляет, стреляет еще и еще, пока 21 июня 500 солдат 17-го пехотного полка в Безье не поднимут ружья прикладами к небу и не побратаются с виноделами. Вторым гимном Франции становится песня Монтегюса:

Привет, привет полку!
Полку 17-му слава!
Народ запомнит вас.
В сердцах народа навсегда вы.
Солдат — народу брат.
Дела героя вечно живы.
Тогда, стреляя в нас,
Убить Республику могли вы.

В Лондоне (18 ноября 1910) молотят дубинками суфражисток во главе с Эммелин Панкхёрст, требующих избирательного права для женщин. В Испании и Италии любой протест заканчивается резней. Анархисты ведут гражданскую войну с обществом, власти без колебаний пускают артиллерию в ход на улицах Милана или Барселоны. У каждой «цивилизованной» страны — свое «кровавое воскресенье», свой Ленский расстрел.

Американцы привычно именуют любую массовую забастовку «войной» — это не метафора. В Чикаго (27 июня 1905) возникает революционная, квазимасонская «параллельная власть» — союз уоббли — «Индустриальных рабочих мира», отвергающих теоретизирования во имя прямого действия. Их верховод — колосс-горняк, луженая глотка, самородный вождь Билл Хейвуд. Он носит черную повязку — еще в детстве случайно выколол глаз; его лицо и тело испещрены шрамами; одно ухо ему оторвали в драке, а затем небрежно пришили восьмью стежками полицейские.

«Я думаю, что, если когда-нибудь взорвут динамитом и пошлют к черту это хорошее, связанное крепким узлом общество, человечество не пострадает» — Честертон подарит эти слова герою сборника «Человек, который знал слишком много» только в 1922 году. Но динамит уже вошел в моду — всерьез, надолго, навсегда. От эсеровских бомб, разметавших дачу на Аптекарском острове, чудом спасся (12 августа 1906) Столыпин: кому суждено быть застреленным... Антон Нильсон подорвал (12 июля 1908) судно «Амальтея», плавучий дом британских штрейкбрехеров, ввезенных в Мальмё для срыва затяжной забастовки докеров. Как и Хейвуд, упокоенный у Кремлевской стены, он окажется в Красной России. Синдикалисты братья Макнамара взрывают (1 октября 1910) редакцию «Лос-Анджелес Таймс», убив 21 сотрудника. Подлинные поэты динамита — болгары из «Македонской революционной организации». С 28 апреля по 1 мая 1903 года православные шахида гуляют по улицам турецких Салоник, швыряя адские машины в кафе, отели, банки, театры, телеграф, газопровод, топят французский

пароход «Гвадалквивир». Жертв, по местным меркам, почитай что и нет: человек десять. Зато назавтра турки, греки и евреи ринутся вырезать болгарские кварталы.

Униженные и оскорбленные, разбитые в уличных боях, заставляют мир услышать себя. Самый переводимый в мире иностранный писатель — босяк Горький. Такой же босяк — «хобо» — Джек Лондон, пересекший Америку в товарных вагонах (или под ними), открывает новую эру в американской прозе. Пражская полиция тщетно устанавливает адрес бездомного Ярослава Гашека, чтобы конфисковать его несуществующее имущество, когда «отец» Швейка в очередной раз справит малую нужду на дверь околотка.

Новости 1900-х изумительно актуальны. Некто Луис Фанк арестован (5 марта 1909) за курение в нью-йоркской подземке: импорт опиума в США запретят только 1 апреля. Порог Овального кабинета переступил негр: Рузвельт принял (16 октября 1901) борца за равноправие Букера Т. Вашингтона. Далай-лама в бегах: из Тибета его изгоняют то британцы (1904), то китайцы (1910). Саудиты начали (1902) войну за объединение Аравии под знаменем ваххабизма.

В Яффе перестреливаются евреи и арабы (март 1908). Сионисты во главе с Герцлем, поклонником британского империализма, мечтающем о своей, еврейской, колонии, отвергли идеи «национального очага» в Уганде, Ливии, на Синае. Только Палестина: туда устремляется вторая алия (1903–1914). Переселенцев немного: 30–40 тыс. — за один 1907-й США принимают 1,3 млн иммигрантов — но они основали Тель-Авив (11 апреля 1909) и первый кибуц Дгания. Палестинцев мучают дурные предчувствия. Турки разрешают им вооружить отряды самообороны, евреи создают свои, что придает слову «самооборона» издевательский оттенок.

Париж трепещет перед апашами, пролетарской шпаной с окраин, сутенерами, ворами, стихийными анархистами, но находит пикантными их моды, кодекс чести, татуировки, девок. Амели «Золотая каска» Эли, спровоцировав войну двух

«бригад» (январь 1902), взлетела с панели на сцену кабаре, ее портрет выставлен в Салоне. Газеты писали об апашах то же, что пишут сейчас о юных французах арабских кровей, жгущих машины: Бельвиль и Менильмонтан — такие же джунгли, как сейчас — иммигрантские пригороды.

Апаши — французы по крови, но Францию тревожат «метеки». Среди понаехавших — множество художников. Обновавшись в кафе «Ротонда», выходцы из Испании Пикассо (1901) и Грис (1906), из России — Архипенко (1909), Кислинг (1910), Шагал (1911), из Италии — Модильяни (1906), из Мексики — Ривера (1909) создают радужную «парижскую школу». За соседними столиками — политэмигранты. Среди них — Владимир Ленин, лидер, по всеобщему мнению, разгромленных большевиков, и образцово-показательный декадент Оскар Лещинский:

Нас принимают все за португальцев,
Мы говорим на русском языке.
Я видел раз пять тонких-тонких пальцев
У проститутки в этом кабаке.

В октябре 1917-го он станет участником штурма и комендантом Зимнего дворца, в сентябре 1919-го его расстреляют белогвардейцы в Дагестане.

Логично, что после загадочного убийства живописца Стейнеля (31 мая 1908) пресса обращает внимание полиции на вертевшегося в салоне его жены еврея Модильяни. Когда из Лувра пропадет «Джоконда» (21 августа 1911), арестуют поляка Аполлинера и вытрясут на допросе душу из Пикассо. Самое смешное, что украл ее таки натуральный гастарбайтер, итальянский стекольщик и столяр.

Собор Святого Семейства в Барселоне, как начал его строить (1883) Антонио Гауди, так и строится до сих пор. Зато Голливуд (1910) отлично себя чувствует. Породила его сверхзадача государственной важности — посредством единственного, наряду с цирком, искусства, доступного иммигрантам, переплавить

их в американскую нацию. Израиль Зангвиль называет пьесу о еврейском Ромео и русской Джульетте ныне крылатым словосочетанием «Плавильный котел» (1908).

Лишь один вопрос, заданный тогда, получил ответ. Всего через 99 лет после того, как Анри Пуанкаре сформулировал знаменитую гипотезу (1904), ее разрешил Григорий Перельман.

Лучший эпиграф к XX веку — третье начало термодинамики, открытое (апрель 1906) Вальтером Германом Нернстом: «Приращение энтропии при абсолютном ноле температуры стремится к конечному пределу, не зависящему от того, в каком состоянии находится система».

Чем выше организация системы, тем стремительнее нарастает в ней хаос. Что и требовалось доказать.

БОЖИЙ ПОТРОШИТЕЛЬ

На допросах он жаловался: «Я бедный, невинный больной, которым Бог решил воспользоваться, чтобы заставить мир задуматься, а промысл Божий постичь не в силах ни один человек». И действительно, он был одним из несчастнейших людей своего времени. Двадцать шестого октября 1898 года — в первый день трехдневного суда над ним — он вошел в переполненный, как на модной премьере, зал с табличкой на груди: «У меня две пули в голове». И это была святая правда: две пули он носил в своем черепе четыре с половиной года. При этом он распевал: «Слава Иисусу, слава Жанне д'Арк!» Публика отгоняла от себя даже тень мысли о том, что жалкий, кровавый, уродливый безумец — своего рода бич Божий, обрушившийся на Францию Belle Époque. Его юродство, пена изо рта, искренняя растерянность, грозное бешенство превратили суд в зрелище, захватывающее, несмотря на predetermined финал. В 7 часов 3 минуты утра 31 декабря 1898 года «божьего анархиста», 29-летнего Жозефа Ваше, признанного виновным в двенадцати садистских убийствах, гильотинировали в Бург-ан-Бресс.

Не прошло и двух месяцев, как Париж забыл Ваше ради новой сенсации. В Елисейском дворце (16 февраля 1899) скончался в объятиях любовницы президент Феликс Фор — сердце не выдержало оргазма во время минета. Крайне правые намекали: его отравили жидомасоны в отместку за «дело Дрейфуса». Но глубинная Франция хранила память о Ваше. Писатель Реми Кюизенья свидетельствует: еще в 1947 году родители-фермеры пугали детей: вот придет Ваше...

Ему посвящен лишь один фильм — «Следователь и убийца» (1976) Бертрана Тавернье. Это так несправедливо, если вспомнить, что о Джеке Потрошителе, узурпировавшем титул серийного убийцы № 1, снято полсотни фильмов. Конечно, Джек несравненно фотогеничнее Ваше хотя бы потому, что безлик. Сценаристы вольны примерять на пустоту вульгарно романтические маски: безумный хирург или наследник престола, прячущий «лист в лесу» — труп девки-шантажистки под горкой трупов. Но Ваше не просто собрал жатву побогаче Джека, растерзавшего (1888) всего пять проституток: он признался в двенадцати убийствах, еще одиннадцать человек выжили после встречи с ним, а следствие полагало, что на его счету не меньше тридцати жизней. Ваше — архетип серийного убийцы, ставшего культурным героем XX века.

Голову Ваше отрубил хромоногий, 75-летний Луи Дейблер, чье имя — синоним палаческой профессии, сын палача и отец палача: его вюртембергские предки практиковали это ремесло с 1694 года. Это он отправил на тот свет пророков анархистского террора Равашоля, Вайана, Казерио, Эмиля Анри, внесших лепту в безумие Ваше. Но последняя — 2 января 1899 года он ушел на пенсию — казнь далась ему нелегко.

Еще в 1894-м богобоязненному католику Дейблеру пришлось переступить через себя, казнив аббата Брюно, до последней минуты клявшегося, что не убивал свою любовницу. В 1897-м из-за оплошности подручного в лицо Дейблеру брызнула кровь казненного. На следующей «церемонии», как называли гильотинирование в годы Великой революции, он

озадачил окружающих, попросив воды — смыть кровь, залившую его лицо, ослепившую. Это повторялось вновь и вновь: палач бредил, заболев гемофобией. Казнить Ваше его буквально вынудили: долгожданную отставку он получил еще 28 декабря.

Безумец казнит безумца. И все с ног до головы в крови: и убийца, и палач, и Франция.

Дейблер вошел в массовую культуру как «палач с зонтиком». Ваше тоже не расставался с зонтиком: его терзали мигрени, невыносимые для тех, у кого не засели в голове пули. Он ненавидел солнце, истязавшее его бедную, больную голову. Если не было зонтика, прикрывал голову замусоленным кепи, оставшимся с армейских времен: простодушная и расчетливая идея. Кепи внушало жандармам сочувствие к опустившемуся вояке, и они не досаждали ему.

Соляный убийца. Самыми тучными для Ваше были месяцы страды — с мая по октябрь.

Ваше на считанные месяцы стал звездой первых полос еженедельных иллюстрированных приложений к газетам — тогдашних таблоидов. Но, по большому счету, нет, не звезда, не национальный Джек. Убогое, деклассированное, бесхитрое зло. Бродяга, вонючий бомж, попрошайка, ночующий в полях, стогах, сараях. Животное, припадочный шут, потрошитель подпасков.

Если щепетильно придерживаться фактов, Ваше — не первый серийный убийца Франции. Пьер и Мари Мартен, хозяева «кровоавой харчевни» в Пейребее, в 1805–1830 годах убили, ограбили и чуть ли не скормили свиньям десятки постояльцев. Впрочем, по мнению историков, их преступления преувеличены, если не вымышлены. В 1861-м бежал из-под ареста некто Шарль Жюд: он грабил, убивал и выбрасывал на ходу из поезда одиноких пассажира. В марте 1862-го казнили Мартена Дюмоллара, «убийцу служанок», которых он заманивал объявлениями о найме.

Но воображение эпохи поразил именно Ваше, в чьем невинном сознании сошлись два мощных вектора французской культуры — католицизм и анархизм: непредсказуемая химическая

реакция превратила его в «вооруженную руку гнева Господня». Он повиновался ненавидящим друг друга божествам — христианскому Богу и богине Анархии: потому-то его и прозвали «божьим анархистом».

Пятнадцатый — предпоследний — ребенок в крестьянской семье из деревни Бофор в юго-восточной Франции рос в атмосфере вульгарной мистики. Мать посещали видения, она слышала голоса, что твоя Жанна д'Арк. Когда мать умерла, сестра Олимп устроила 15-летнего Жозефа в школу, организованную сравнительно молодым орденом маристов. В октябре 1887-го его выгнали, обвинив в том, что он мастурбировал одноклассникам, но паренек уже виртуозно овладел церковной риторикой: так же — на лету — он овладел чтением, письмом и счетом.

Пребывание у маристов обогатило воображение Ваше еще кое-чем. Орден вел миссионерскую деятельность в Океании. Воспитатели пичкали детей подробностями жутких пыток и обрядов инициации, доказывая, что туземцы — дети Дьявола. Садомазохистский культ телесного мученичества заложен в католицизме, но маристы были еще и детьми эпохи, прекрасной настолько, насколько может быть прекрасна эпоха, рожденная катастрофической — для Франции — войной с Пруссией и заботливо вынашивающая войну, катастрофическую для человечества. Эпоха импрессионистов, канкана и Пруста — вампир, смаковавший кровь, требовавший еще крови, как можно больше крови. Ее садизм сравним лишь с ее лицемерием.

В Салоне академики выставляли детально прописанные, огромные полотна, где варвары насильовали патрицианок, инквизиторы терзали голых ведьмочек, львы — мучеников. В апреле 1897-го на парижской улице Шапталль открылся театр «Гран-Гиньоль». Расчленение, вырванные глаза, оргии сумасшедших — его меню. Через месяц 110 женщин и 11 мужчин погибли при пожаре на благотворительном базаре: любимым чтением парижан стали отчеты патологоанатомов в газетах, забавой — экскурсии в морги.

Так же упивалась пресса и преступлениями Ваше. Апогей рисованного сериала в таблоидах — «Сны Ваше в камере»: мечущегося на койке смертника окружают скелеты с косами и трупы в саванах.

Удачно устроившись в бордель, Олимп подыскала Ваше место в трактире в Гренобле — подхватившему у одной из ее товарок «дурную болезнь» Жозефу ампутировали яичко. Какую бы работу он ни находил — оказывался на улице: угрожал другим работникам, но чаще — пугал хозяев. Шугануть мироеда — святое дело, но и брата, жившего в Женеве, Жозеф напугал: тот просто не узнал его.

Если влияние маристов гипотетично, то встреча Ваше с армией — таким же, как церковь и бордель, столпом общества — оказалась безусловно роковой.

В ноябре 1890-го ему выпал жребий отбывать срочную службу в 60-м пехотном полку, что в Безансоне. Все, что произошло там, известно, только непонятно, как интерпретировать это «все». Вроде бы он настрадался от «дедов» за то, что — как Швейк — буквально выполнял приказы и чтил уставы. Обнаружив, однако, вкус к воинской службе, строчил жалобы на «заговорщиков» — однополчан, строящих против него козни, проща говоря — завидовавших любимчику офицеров. Нежданно превратившись из жертвы в хищника, гонялся за ними с бритвой. Оказался четвертым в выпуске школы капралов — отменный результат. Тем не менее в повышении ему отказали: истовый служака был неспособен командовать.

В знак протеста Ваше полоснул себя бритвой по горлу. В принципе, уже тогда его следовало комиссовать, но вместо этого Ваше получил заветные лычки капрала, затем — старшины. Приглянулся полковнику, навестившему его в лазарете и проэкзаменовавшему на знание уставов. Но на новом месте службы не поладил с офицером и вновь почувствовал себя жертвой.

Одновременно разворачивался — или ему так казалось — его роман со служанкой Луизой Барран. Вообще-то она любила

другого солдата, а Ваше не понимал, что Луиза над ним насмеяется. Когда понял, на него снова «накатило», он снова гонялся за солдатами со штыком и пытался выброситься в окно. Армия, тоже в каком-то ослеплении, не желала расставаться со столь ценным кадром: Ваше отправили в отпуск, но затем все же уволили. Явившись (25 июня 1893) просить руки Луизы и получив отказ, он трижды выстрелил в нее, но только ранил. Потом — дважды себе в голову. Ваше выжил, но от застрывших в голове пуль избавиться лишь вместе с головой. Правую половину лица парализовало, он оглох на одно ухо, один глаз остался выпученным, налитым кровью, рот перекосило.

Ему еще хватило сил отбиваться от врачей, тащивших его на операции: их он тоже подозревал в заговоре. За девять месяцев в психиатрической больнице он шесть раз пытался бежать. Тем не менее 1 апреля 1894-го его признали излечившимся. Кажется, врачи торопились избавиться от него: их он тоже пугал. Уже 19 мая он совершил первое из убийств, в которых признался: задушил, изувечил и изнасиловал 21-летнюю Эжени Деломм.

Между монастырем и казармой Ваше познакомился с идеями анархизма, благо в Лионе вращались тогда его «иконы», будущие клиенты Дейблера. Точнее говоря, не «познакомился», а «наслушался» так же, как бреда блаженной матери и садистских рассказов маристов. Анархисты, с которыми имел дело Ваше, были специфической публикой: их фанатизм неотличим от безумия, а теракты напоминали поступки маньяков. Виновата все та же «прекрасная эпоха», взошедшая на крови 25 000 парижских коммунаров: победители учинили в мае 1871 года немыслимую резню простонародья. Уцелевшие не смели поднять головы, загнанные на каторжные заводы и фабрики. При первом же недовольстве армия стреляла по толпе. Идеейные анархисты погибли в парижскую «кровавую неделю» или гнили на каторге в Новой Каледонии. Ненависть, ужас и отчаяние породили поколение люмпен-декадентов революции, создававших крохотные, изолированные кружки-секты, проповедовавших — в лучшем случае — политбандитизм. Характерный

случай: 23-летний рабочий Эмиль Флорион явился (октябрь 1881) в Париж с намерением убить председателя Палаты депутатов, одного из отцов Республики Леона Гамбетта. Поняв, что до него не добраться, дважды выстрелил в «первого встречного буржуа», некоего доктора Меймара, но промазал.

Флорион напрасно жертвовал собой. Уже 31 декабря 1882 года Гамбетта умер по вине врачей, выхаживавших его после огнестрельного ранения. Вроде бы он случайно ранил себя, когда чистил пистолет: у «прекрасной эпохи» много скелетов в шкафу.

Легендарного Равашоля казнили не за то, что его бомбы разнесли в Париже два дома, где жили судебские, повинные в репрессиях — там никто не погиб. Но за ним числились деяния в духе Ваше. Осквернение могилы графини де Рошетае в надежде снять с трупа драгоценности. Убийство 93-летнего отшельника, полвека жившего на подаяния, и, возможно, двух старых дев.

Равашоль оправдывал убийства женщин и стариков необходимостью удовлетворять личные потребности и поддерживать анархистское дело. Ваше из общения с анархистами понял одно: надо убивать. Насилие — мистический акт, меняющий мир к лучшему. Не классовое насилие, а просто насилие. Судьба поставила холодный и жестокий эксперимент, посеяв верность Богу и Анархии в душе не кого-нибудь, а социально опасного с колыбели мальчика.

Рассказы о том, как в детстве он мучил животных, оставим психоаналитикам. Как и спекуляции о том, что Ваше стал зверем из-за смерти месячного брата-близнеца. Болтовня о том, что он «символически убивал своего двойника», столь же научна, как показания самого Ваше: его, пятилетнего, лизнул бешеный щенок, а потом знахарка напоила снадобьем, навсегда «отравив кровь». Но вряд ли задним числом придуманы свидетельства, что уже в отрочестве он был страшен в приступах неконтролируемого гнева. После его ареста вспомнят, что, когда ему было всего четырнадцать, в амбаре, недалеко от Бофора, нашли труп изнасилованного 10-летнего мальчика, а побли-

зости крутился некий оборванец — не Ваше ли? Что в июне 1888-го, работая жнецом, он набросился на юного работника, а в двух днях пути — нашли почти обезглавленное ножом тело 35-летней женщины. Что в сентябре 1890-го был найден выпотрошенный, с перерезанным горлом труп 9-летней Олимп Бюиссон.

Для чистоты эксперимента судьба наделила его завидной выносливостью. В день он мог преодолеть до 60 км, прошагал страну от Нормандии и Бретани до Прованса и Бельгии, всю Бургундию, всю долину Роны, заглянул в чудотворный Лурд. Его путь можно проследить по трупам: резня длилась три года.

Ваше предпочитал мальчиков 13–16 лет, насилая, как правило, уже мертвых. Трупы он оставлял, где убивал, или более чем небрежно прятал. Подробности банальны и монотонны: отрезанные головы, груди, половые органы, вспоротые животы, проломленные камнями черепа, вырванные сердца. Он рвал людей зубами, душил, забивал ногами. Иногда «случайно», как некоего Готре, с которым на пару — чтоб веселее было — странствовал. Так же неожиданно для себя самого он забил железным прутом 70-летних супругов, пустивших бедолагу переночевать.

Одиссея Ваше странно напоминает современные события «большой истории». В 1898-м вышла в путь экспедиция с целью обследовать и взять под «французское покровительство» район между Нигером и озером Чад. Ее возглавили 32-летний капитан Поль Вуле, сын врача, питавший, по словам однополчан, «страсть к крови и жестокости, сочетающуюся с дурацкой чувствительностью», и генеральский сын Шарль Шануан, «жестокый из равнодушия и ради удовольствия». По их вине за два месяца пути 148 носильщиков умерли от дизентерии. Рекрутируя новых носильщиков, патрули на рассвете окружали деревни и стреляли в каждого, кто пытался бежать. В качестве отчета солдаты приносили в лагерь отрезанные головы. Вуле приказал насаживать их на колья и выставлять на обозрение. Когда лейте-

нант Пето написал невесте о странностях командиров, догнать и остановить Вуле поручили подполковнику Клоббу.

Историк Свен Линдквист пишет:

По следам [Вуле] было легко идти; они состояли из руин и трупов, число которых угрожающе возрастало по мере того, как Клобб приближался к экспедиции. Клобб обнаружил трупы проводников, которые не угодили Вуле и были повешены живыми, достаточно низко, чтобы гиены могли отъесть им ноги. Рядом с сожженной деревней Тибери, в 193 км от Зиндера, Клобб обнаружил тринадцать женских тел, повешенных на деревьях. Около Коран-Кальйо, ближе к Зиндеру, висело два детских трупа.

Похоже на следы, которые оставлял Ваше?

По приказу Вуле солдаты-сенегалцы расстреляли Клобба. На следующий день они же — по приказу других офицеров — убили Вуле и Шануана и продолжили победоносную экспедицию. Следователи нашли объяснение убийству Клобба — убийства туземцев в объяснениях не нуждались — климат. Вуле спятил от жары.

Какая жара свела с ума Ваше?

Что Вуле, что Ваше — герои своего времени. Ваше, если бы не Луиза, удовлетворил свои пристрастия под флагом Франции, и ему бы слова никто не сказал. Но — не сложилось.

Не то чтобы он не попадался. В 1896-м отбыл месяц за нанесение телесных повреждений. Четвертого августа 1897-го в городке Шампис бросился с ножом на фермершу — его скрутили муж жертвы и двое подросевших мужиков: в одиночку с Ваше было не справиться. Получив три месяца за «оскорбление общественной нравственности», на свободу он уже не вышел.

Убийца долго оставался неуловимым по двум причинам.

Первая — техническая.

Его словесный портрет составили еще в 1895-м. Но во Франции отсутствовала единая система регистрации преступлений. Полицейские функции находились в ведении мэрий. Следователи — каждый в своем районе-коммуне — не знали, что «за

углом» творились зверства, не отличимые от зверств на подведомственной территории. Местные газеты писали только о местных новостях.

Вторая — социальная.

Фонфред, прокурор из Дижона, то есть федеральный чиновник, обладавший широким кругозором и полномочиями, в конце 1896 года сравнил семь убийств, совершенных в округе за шесть лет. Он не мог поверить, что это дело рук одного человека, но предположил, что убивают бродяги. Фонфред придумал безумную — на современный взгляд — теорию: среди бродяг свирепствует «криминальная эпидемия». Бродяг действительно было много, слишком много. В стране, охваченной индустриализацией, нарушилось социально-демографическое равновесие, начался «исход из села». Только в 1894-м бродяги совершили почти 20 000 преступлений: в 1826–1830 годах за ними числилось 2500 преступлений. Все они были для чистой публики на одно лицо, хотя перекошенная рожа Ваше не могла не выделять его из безликой массы. Найти среди бродяг «того самого» было почти немислимо, поймать — только случайно. Но и воспользоваться случайностью мог только полицейский функционер нового — гуверовского или бериевского — типа: целеустремленный, динамичный, честолюбивый, безжалостный, идейный карьерист, методичный бюрократ-технократ. Его звали Эмиль Фурке.

Следователя из Белле, что недалеко от Шамписа, преследовали воспоминания об убийстве ребенка в 1895 году. Тогда он сделал правильный вывод — работает маньяк — и разослал его описание. Как Фонфред, он разгадал секрет безнаказанности: только бродяга мог, пересекая административные границы, годами оставаться неуязвимым. Когда 18 июня 1897-го погиб 13-летний Пьер Лоран, он понял, что «клиент» вернулся. Когда же бдительный чиновник из Шаписа сообщил об аресте бродяги, подходившего под давнишнее описание, Фурке понял, что настал его звездный час, и затребовал Ваше — сразу после отбытия им трехмесячного заключения.

Фурке представился ему литератором. Он-де пишет книгу о бродягах и хочет узнать из первых уст правду об их невзгодах: не мог бы Ваше подробно описать свои странствия. Ваше пришел в восторг: впервые в жизни кто-то хотел выслушать его. Стоит рассказать всю правду, и его оставят в покое, поселят в чистой палате, вылечат. Он забудет о страданиях, из которых состояла его жизнь, голова наконец перестанет болеть. Правда, перечисляя вехи своего пути, он избегал упоминать как раз те места, где убивал. Фурке, сбросив маску, обратил умолчания против собеседника. Тогда Ваше замолчал. Но двенадцать свидетелей, которых Фурке, как одержимый, искал и нашел по всей Франции, опознали бродягу, замеченного поблизости от мест преступлений. Ваше пригрозил им Божьим гневом и своей местью.

Это общая канва многодневных и ежедневных допросов, но только общая канва и доступна историкам: Фурке, что характерно, не вел протоколов. Неизвестно, как и почему, но к вечеру 7 октября Ваше раскололся. Даже — по своей инициативе — рассказал о четырех убийствах, неизвестных Фурке. Правда, он почему-то считал смягчающим обстоятельством то, что никогда не насиловал девочек: только мальчиков, мужчин и женщин.

Очевидно, Фурке гарантировал ему жизнь.

Другое свое обещание Фурке сдержал. Восьмого октября Ваше потребовал, чтобы его признательное письмо, адресованное самой Франции, опубликовали четыре газеты. Он проявил неожиданную широту взглядов и неплохую ориентацию в рейтингах прессы. *Le Petit Journal* — самое массовое издание Франции. *La Croix* — католическая, монархистская, яростно антисемитская газета. Лионские *Le Progres* и *Lyon Republicain*, напротив, — прогрессистские, антиклерикальные издания. Это как если бы русский «Ваше» 1990-х потребовал публикаций в «СПИД-Инфо», «Аргументах и фактах», «Завтра» и «Новой газете».

Реклама, которую Фурке делал убийце, взбесила его начальство. Но для него публикация была жизненно необходи-

ма: протоколы, содержащие оформленные по всем правилам признания, заменило «письмо к Франции». Другой проблемой Фурке оказался молодой тюремный врач, безоговорочно признавший Ваше неподсудным больным. Фурке же настаивал: Ваше — симулянт, «мясо для гильотины». Репортеров, нагрянувших во французскую дыру даже из США, он наставлял: не называть подсудимого «сумасшедшим», «больным», «безответственным». Его категорически поддерживали эксперты во главе с профессором Александром Лакассанем, судмедэкспертом, отцом модной «криминальной антропологии» и автором афоризма: «Общество имеет тех преступников, которых заслуживает».

И он, и Фурке относились к Ваше как к символу. «Дикарю в цивилизованной стране» (Лакассань). Воплощению «язвы» гольтьбы, подлежащей уничтожению. Классовому врагу на показательном процессе. Белому негру.

Ваше определял свое место в истории точнее. До конца веря в то, что ему ведом Божий промысл, он отказался от исповеди: «Я скоро поцелую Христа. Вы думаете искупить грехи Франции, убив меня, но этого недостаточно, вы совершите еще одно преступление. Я — великая жертва конца века».

РЕВАНШ КАПИТАНА ДРЕЙФУСА

Когда (25 января 1945) лионский трибунал приговорил 76-летнего академика Шарля Морраса к пожизненному заключению за измену Родине в годы нацистской оккупации, этот блестящий писатель, непримиримый монархист, антисемит, воскликнул: «Это реванш Дрейфуса!» Почти за полвека до того юный Моррас писал своему наставнику Морису Барресу: «Сторонники Дрейфуса заслуживают быть расстрелянными до последнего человека как мятежники» — и славил его антипода — полковника Анри. По официальной версии, полковник, признавшись в подделке документа, уличавшего капитана Аль-

фреда Дрейфуса — артиллериста, генштабиста, иудея — в работе на немецкую разведку, перерезал себе горло бритвой в тюремной камере.

Почти полвека — это две мировые войны, а поди ж ты: война с Дрейфусом, десять лет как почившим, для Моррасса еще продолжалась.

Впрочем, полвека — пустяк. Уже в 1982-м возмутитель спокойствия и герой Сопротивления (в 17 лет — партизанский связной, в 20 — десантник) Андре Фигерас опубликовал памфлет «Этот каналья Д...»: «Не все истины стоит замалчивать. И особенно ту, что Дрейфус никоим образом не был невиновен», «дело Дрейфуса было катализатором, который сплотил, снабдил доктриной и методом анти-Францию».

Дело Дрейфуса — рекордная по длительности «мыльная опера», даже принимая во внимание ее реальную, а не символическую протяженность. Началась она 26 сентября 1894 года: уборщица германской военной миссии в Париже — и, естественно, агент контрразведки — извлекла из мусорной корзины записку некоего офицера-предателя, которого поспешно идентифицировали как Дрейфуса. Закончилась 12 июля 1906 года, когда отбывшего пять лет в земном аду — на гвианской каторге — Дрейфуса реабилитировали, произвели в майоры и утешили орденом Почетного легиона.

В узком смысле «дело» — события от публикации (13 января 1898) в газете Жоржа Клемансо *L'Aurore* открытого письма Эмиля Золя президенту Фору «Я обвиняю!», уличавшего военную верхушку в фабрикации дела, до помилования Дрейфуса (19 сентября 1899) президентом Лубе.

В деле налицо все ингредиенты идеального шпионского и сентиментального романа. Судебная ошибка. Лихорадочные и — по факту — предательские усилия генералитета скрыть ее: настоящий шпион — майор Эстерхази — в итоге сбежал за границу. Подлоги и их разоблачения. Противоречивые почерковедческие экспертизы. Подковерная борьба в руководстве контрразведки. Самоотверженные и не всегда джентльменские

попытки промышленника Матье Дрейфуса спасти младшего брата: в ноябре 1897-го он таки убедил вице-президента Сената Шерер-Кестнера в невинности Альфреда, тот — убедил Золя. Раскол общества на грани гражданской войны. Уличные беспорядки и дуэли: среди дрейфусаров и антидрейфусаров хватало бретеров. Торжество справедливости.

Но бульварная эпопея трактуется как одно из ключевых событий современности: Дрейфус — символическая жертва юдофобии, предвещающая жертвы XX века. Самого капитана от роли символа тошнило настолько, что он переругался со всеми своими спасителями. Служаке была невыносима мысль, что его дело дискредитировало армию, но мнение Дрейфуса никого не интересовало. По большому счету, и он сам никого, кроме благородного Золя, не интересовал.

С течением времени полутона сгладились до черно-белой картинки. Дрейфуса принесли на заклание как единственного в генштабе еврея. За него вступились светлые силы во главе с Золя, Клемансо, лидером французской — а по большому счету, и европейской — социал-демократии Жоресом. Против — силы черные, протофашистские. Все, однако, не так просто.

Еврейство Дрейфуса — лишь один из факторов, сделавших его идеальным козлом отпущения: не стоит путать Дрейфуса с Бейлисом. Едва ли не важнее то, что он родом из Эльзаса, оккупированного Германией («находились ли вы или ваши родственники на временно оккупированной территории?»). И то, что он богат, и то, что он — выпускник Политехнического института. Армейская косточка — выпускники Сен-Сира — ненавидели штафинок, получивших погоны благодаря усилиям республиканской власти по демократизации армии.

Евреем и политехником был капитан Кремье-Фоа, дравшийся весной 1892 года на дуэли с автором антисемитского памфлета «Еврейская Франция» Эдуардом Дрюмоном и публицистом де Ламазом, объявившим всех евреев «предателями по определению». Евреем и политехником был капитан Мейер, убитый той же весной на дуэли маркизом де Моресом.

Правая пресса воспользовалась осуждением Дрейфуса для раздувания антисемитской истерии? Да ничего раздувать и не требовалась. Антисемитизм был в порядке вещей даже среди левых. Он вообще был в порядке вещей. Как правило, в литературных кругах он носил теоретический характер, не отражаясь на личных отношениях и взаимном уважении. Начиная с писателя, еврей и будущий лидер социалистов Леон Блюм первую публикацию посвятил своему кумиру Барресу, отчеканившему: «То, что Дрейфус способен на предательство, я вывожу из его расы». Блюм был не одинок: Барресу поклонялись Пруст, Мориак, Арагон, Мальро. Золя уже в разгар дела (1897) произнес прочувствованную речь на похоронах Альфонса Доде, хотя мнения автора «Тартарена из Тараскона» по еврейскому вопросу ни для кого не были секретом. Предположим, о мертвых ничего, кроме хорошего. Но в те же раскаленные месяцы Золя регулярно ужинал в одной компании с Барресом, который записал в дневнике: «При каждой фразе все пугаются, что мы с ним перейдем на повышенные тона из-за этого досадного дела, разделившего нас, но все проходит благополучно. Он — честный человек».

Левый антисемитизм носил классовый характер.

Ненависть к еврею, равно как и к англичанину, должна быть символом нашей политической веры. <...> ...еврей — враг рода человеческого; надо отправить эту расу в Азию или истребить ее... железом, слиянием или высылкой (Жозеф Прудон).

Что есть суть иудаизма в его светском аспекте? Практические нужды, личный интерес. В чем светский культ евреев? В торговле. Кто светский бог евреев? Деньги. Деньги — ревнивый бог Израиля, с которым не могут сравниться другие боги... <...> В еврейской религии содержится презрение... к искусству, к истории, к человеку как самоценности» (Маркс).

Для левых еврейство — метафора эксплуататорской власти финансового капитала, за что следует поблагодарить олигархов эпохи Наполеона III. Не будет преувеличением назвать «Напо-

леона Маленького», как его несправедливо и обидно припечатал Гюго, императором эпохи Ротшильдов и братьев Перейр.

Чудовищная фигура с самым плоским, самым низменным, самым страшным лицом, словно лягушачьей мордой: глаза в красных прожилках, веки, похожие на раковины, рот, напоминающий прорезь в копилке, притом же слюнявый, — настоящий сатир царства золота: это Ротшильд.

<...>.

...перед Ротшильдом, как перед смертью все равны! Ротшильд входит, не снимая шляпы. Никогда ни с кем не здоровается, ему все низко кланяются. Иногда он милостиво бросает им шутку — всегда одну и ту же: «Каспада с биржи, если в курсе пудут изменения, предупредите меня поскорее, согласен возместить расходы на омнибус. До сфидания!»

Это запись из дневника братьев Гонкур.

Дрейфус платил по счетам Ротшильдов.

Жорес, великий, благородный Жорес, смешной, беспомощный в быту, убитый за свои отчаянные усилия предотвратить мировую войну, мыслил как Маркс. Столкнувшись на каникулах (1895) с юдофобской атмосферой Алжира (во время дела Дрейфуса там разразятся настоящие погромы), он писал: «под видом несколько туповатого антисемитизма в Алжире распространяется истинно революционный дух». Возмущался, что в Алжире никак не сложится «серьезное антиеврейское движение», хотя евреи «используют, особенно по отношению к арабскому народу, свойственные им приемы вымогательства и присвоения».

В июне 1898-го Жорес выступал в Тиволи.

Мы прекрасно знаем, что еврейская раса, сплоченная, пылкая, проворная, вечно одержима чем-то вроде лихорадки — лихорадки барыша — когда не одержима лихорадкой профетизма; мы прекрасно знаем, что она с необычайной ловкостью использует технологии капитализма, технологии грабежа, лжи, коррупции и вымогательства. Но мы, мы говорим: сломить надо не расу, а технологии, которыми она пользуется, и пользуется точно так же, как христианские эксплуататоры.

К этому времени он уже (22 января) одним из первых «восхитился отвагой Золя»:

Возможно, он глубоко ошибается. Но он совершил мужской поступок; атаковал всю армейскую верхушку, ее власть, основанную на коварстве, на лжи и угнетении, он совершил революционный поступок.

Однако:

За ним, за его отважной и благородной инициативой, следует, скрытная и алчная, вся подозрительная банда еврейских пиратов, ожидая от него косвенной реабилитации, которая позволит совершать новые злодеяния. За щедрым сеятелем вьются хищные птицы, извлекающие выгоду из семян справедливости, прежде чем они успевают созреть.

Фракция депутатов-социалистов приняла (19 января 1898) резолюцию по делу Дрейфуса, махнув на капитана рукой. Чума на оба дома, и на средневековую, клерикальную реакцию, и на реакцию, полную сил, финансовую, еврейскую. «В судорожной борьбе двух фракций буржуазии все лицемерно, все лживо. Пролетарии, не присоединяйтесь ни к одному из кланов этой гражданской войны буржуазии», которые «вздорят между собой на банкете, а назавтра примирятся против вас, если вы выломаете двери в [банкетный] зал!»

Позицию «над схваткой» выбрали такие международные авторитеты, как Толстой («у каждого есть тысячи дел, гораздо более близких и интересных, чем дело Дрейфуса») и Либкнехт. Роллан досадовал на евреев: «Будь они даже сто раз правы, они способны вызвать отвращение к правому делу самим неистовством, которое в него приносили». На первых порах Клемансо и Жорес, не сомневаясь в виновности Дрейфуса, порицали снисходительность военной юстиции: военная каста спасла богатенького капитана от заслуженной смертной казни. Возмутительно, громыхал Жорес, что «жалкого предателя оставили в живых», в то время как солдата, швырнув-

шего в лицо капралу пуговицу, осудили за неповиновение на смерть. Честно говоря — да, возмутительно.

Это никак не умаляет бескорыстного подвига Золя, рискнувшего репутацией, достатком, свободой, дважды осужденного за «оскорбление армии», вынужденного бежать за границу. Жорес и Клемансо достойны тем большего восхищения, что, поверив в невиновность Дрейфуса, поставили его судьбу выше классовых интересов. В этом их — но только их — отличие от антидрейфусаров, которым было по большому счету наплевать, виновен ли капитан: они готовы были принести его жизнь в жертву во имя интересов армии и нации. Но и среди дрейфусаров преобладали те, для кого виновность Дрейфуса была второстепенна по сравнению с возможностью нанести удар по армии и церкви, в авторитете которых они видели угрозу самому существованию Республики.

Судьбоносную роль Золя, Клемансо и Жореса в середине XX века ставила под сомнение, о чем непопулярно вспоминать, «сама» Ханна Арендт. Она писала, что их голоса в деле помилования Дрейфуса сыграли ничтожную роль по сравнению с желанием правительства погасить скандал в преддверии намеченной на 1900 год Всемирной выставки в Париже.

Таланты распределились по враждующим лагерям равномерно. Анатоль Франс был единственным академиком, заступившимся за капитана. Жюль Верн полагал, что Дрейфуса стоило расстрелять. Поль Валери — «месяе Вкус» — стоял по одну сторону баррикад с юдофобами Дрюмоном и Леоном Доде. Пруст собирал подписи в защиту Дрейфуса и Золя. Но в неоконченном романе «Жан Сантей» высказался в том смысле, что улики против Анри сфабрикованы, хотя и с благородной целью, шефом контрразведки Пикаром, а Эстерхази — такая же невинная жертва, как и Дрейфус.

Одним из самых яростных «теноров» среди антидрейфусаров был героический «красный маркиз» Анри Рошфор: республиканец, ниспровергатель Третьей империи; коммунары, приговоренный к пожизненной каторге на Новой Каледонии,

откуда он совершил с несколькими соратниками феерический побег вплавь, прославленный Эдуардом Мане.

Кстати, а как насчет импрессионистов, этих аполитичных певцов радости жизни. Золя поддержали Моне и Писсарро, еврей и анархист, в 1895-м вынужденный бежать за границу под угрозой ареста по обвинению в терроризме. Но Эдгар Дега порвал с друзьями-евреями — писателем Людовиком Галеви и маршанами — торговцами живописью — из галереи «Бернхейм-Жён». Завидев Писсарро, он демонстративно переходил на другую сторону улицы. Ренуар резко осадил издателя Тадея Натансона, просившего подписать петицию в защиту Золя — зато петицию с призывом собирать средства для несчастной вдовы полковника Анри подписал — и не стеснялся в выражениях по поводу евреев. В лагере антидрейфусаров оказался даже Сезанн, друг Золя.

Как на настоящей гражданской войне, раскол проходил через семьи. Сара Бернар писала Дрейфусу ободряющие письма, а ее сын — сын еврейки — Морис скандировал у зала суда: «Смерть Дрейфусу! Смерть Золя!» Впрочем, не помешала же эта война длительному и трогательному роману Барреса с яркой дрейфусаркой, писательницей Анной де Ноай.

Безобразный скандал в благородном семействе оказался чрезвычайно плодотворен для французской культуры: родился «класс» интеллектуалов. Само это слово прозвучало в статье Барреса «Протест интеллектуалов» (1 февраля 1898) в уничижительном смысле по отношению к пяти сотням ученых и писателей, солидаризировавшихся с Золя. Дескать, что о себе возомнили эти оторванные от жизни, закорстевшие в высокомерии профессора и литераторы, оторвавшиеся от национальной почвы, игнорирующие национальные интересы. Те, в кого Баррес метил, подумав, согласились со званием интеллектуалов.

Сейчас это звание скомпрометировано популярной интерпретацией, которое дал ему гуру «новых левых» Ноам Хомский: интеллектуалы — наемники правящего класса. В оригинальном

же звучании интеллектуал — работник умственного труда, который, исходя не из корпоративных интересов, а из личных убеждений и доводов разума, публично занимает позицию в политическом споре. Я бы добавил: интеллектуал тем отличается от интеллигента — особенно от классического «русского интеллигента», — что ищет не категорический смысл жизни или события, а смыслы: часто — противоречивые.

Самое смешное, что враги Дрейфуса, апологеты, грубо говоря, «коллективного бессознательного», декларируя свой антиинтеллектуализм, не отдавали себе отчета в простой истине: они тоже — интеллектуалы.

Но если бы подполковника Дрейфуса — он подросток в звании, благодаря Первой мировой — поздравили с тем, что он подарил интеллектуалам жизнь, он вообще бы не понял, о чем речь, и на всякий случай вызвал того, кто произнес эти обидно непонятные слова, на дуэль.

За годы службы Дрейфус пролил свою кровь однажды и, в каком-то смысле, да, за Францию. Сам он был, по всем свидетельствам, человеком скучным, «в футляре». Другое дело — человек, ранивший его в руку двумя выстрелами (4 июня 1908) на ступенях парижского Пантеона, когда завершался военный парад в честь переноса в Пантеон праха Золя.

Стрелку было 65 лет — экстравагантный старик. Впрочем, когда ему было 22 года, на его восторженное письмо откликнулся из эмиграции Гюго: «У вас щедрая душа и щедрый ум. Не страшитесь времени: годы иссушают посредственности и возвышают сильных. Вы молоды; однажды вы станете стариком; [но] никогда не состаритесь». Как в воду глядел.

Политические драки начались в Париже еще с утра 3 июня. Толпа студентов выламывала ворота Пантеона во время репетиции музыкальной программы церемонии. До 5000 антидрейфусаров пытались остановить траурный кортеж. Во время самого ритуала полиция задержала «за оскорбительные выкрики» 250 из них. Но за пистолет взялся только «щедрая душа» — Луи Грегори. Уважаемый журналист, преимущественно — военный:

его анализ использования телеграфа в ходе австро-прусской войны (1866) заинтересовал Наполеона III. Однокашник, друг и издатель «Еврейской Франции» Дрюмона. Бретер, само собой. Привлекался к суду по обвинению в мошенничестве.

В разгар дела он воздерживался от участия в национальной сваре, но вот участия армии в чествовании Золя вынести не смог. На суде (10–11 сентября) Грегори сказал, что стрелял не в Дрейфуса, а в «дрейфусизм». Свидетель защиты Рошфор призвал счесть покушение «преступлением страсти». Суд пере-квалифицировал «попытку умышленного убийства» в «причи-нение телесных повреждений» и оправдал Грегори. В чем — еще накануне процесса — был абсолютно уверен Баррес: «Грегори оправдают, поскольку никакое национальное сознание не может осудить поступок, вдохновленный им самим».

ПРАВДИВАЯ ЛОЖЬ

Кино не исполнилось и полутора лет, когда (апрель 1897) грянула скоротечная греко-турецкая война. Еще через полтора года (сентябрь 1898) пулеметы Китченера «рассеяли» воинство суданских махдистов, потерявших 11 000 убитыми, не считая умерших от ран: британские потери составили 48 человек. И на Балканах, и под Омдурманом работал первый и единственный тогда в мире фронтовой оператор Фредерик Вилье.

В 1914–1916 годах уже целых пять операторов — Доред, Ермолов, Новицкий, Топорков и англичанин Эрколь — обслуживали весь исполинский фронт русских армий. Уже прогресс.

То ли дело теперь: любой владелец мобильного телефона — оператор, каждый второй — «фронтовой». Тем меньше доверия хронике.

«Расправы Каддафи с мирными манифестантами», снятые на телефон «с риском для жизни», легитимировали бомбежки Ливии. На экране по какой-то улице в какой-то стране бежали какие-то люди, размахивая чем-то вроде палок. Где эта улица,

где этот дом? Может быть, и не в Ливии вовсе. Но уничтожили-то именно Ливию.

Пандемию «хроники» объясняют информационными войнами. Но нужды пропаганды — лишь одна из причин фальсификации движущейся реальности. Ее подделывали уже на заре кино: историки деликатно говорят об «обмене выразительными средствами между игровым и документальным кино». То есть это онтологическое свойство кино: зрители, начиная с тех, кого напугало прибытие поезда братьев Люмьер, не просто желают видеть реальные события, но, исходя из своих стереотипов войны, требуют от реальности зрелищности. Операторы же, скованные — вплоть до 1960-х годов — тяжелой и неудобной техникой, обречены были выбирать между честностью и зрелищностью. Война не киноголична: это с горечью констатировал еще пионер жанра, прожженный Вилье.

Разузнав в турецком штабе, где и когда начнется наступление, он поспел в нужное время в нужное место.

Ни пения рожка, ни барабанной дроби, ни развевающихся знамен... На современной войне все не так, как прежде. ...такая манера воевать безжалостна и лишена всякого интереса: это погрузило меня на несколько недель в депрессию.

Желая развлечь Вилье, несолоно хлебавши вернувшегося в Лондон, его пригласил в кино друг: потрясенный съемками с театра военных действий, он хотел поделиться эмоциями. Но Вилье-то знал: никто, кроме него, на пресловутом ТВД не снимал. А снятые им панорамы далекого боя не имели никакой рыночной ценности. Ну а что он мог снять трехпудровой камерой на треноге: ручку надо было вращать, «словно мелешь кофе, без спешки и возбуждения». Соваться с такой экипировкой на поле боя было бы самоубийством. Тем более его заинтриговало, что же такое увидел его друг.

Три албанца подходили к маленькому домику по пыльной дороге... Приблизившись, они открыли огонь: видно было, как пули отбивают штукатурку, потом один турок выбил прикладом

дверь... и выволок наружу красавицу-служанку. Старик — очевидно, отец девушки, бросился на помощь дочери, и тогда второй албанец вытащил из-за пояса ятаган и обезглавил доброго человека! Мой друг воскликнул в трансе: «Посмотрите на голову, она катится к нам. То, что надо!»

<...>

Вы только представьте себе человека, который, не прекращая молоть кофе, распоряжается: «Месье Албанец, прежде чем обезглавить старика, подойдите поближе, хорошо, а теперь немного левее, будьте добры. Благодарю вас. Теперь — с как можно более зверским видом — режьте голову». Или: «Вы, Албанец № 2, заставьте плутовку чуть опустить подбородок и брыкаться как можно женственнее».

Автором этой «реконструированной хроники» был не кто иной, как Жорж Мельес. Единый в двух лицах «волшебник» и «реконструктор» понимал, что публика в равной степени жаждет и «Путешествия на Луну», и «турецких зверств», и снимал и то и другое в своей парижской студии. Впрочем, пропагандистские резоны тоже не исключены. Мельес был дрейфусаром, «либералом», а Франция вкупе с другими «великими державами» «обесчестила себя», обстреляв греческий десант на Крите во имя «территориальной целостности Турции».

Англо-бурская и русско-японская войны, «восстание боксеров»: юное кино повсеместно переигрывало на свой лад жизнь и смерть.

Впрочем, если углубиться в историю вопроса, окажется, что не режиссеры лишили невинности запечатленную реальность, а их предшественники — фотографы. Уже в марте 1858 года Феликс Беато раскладывал поживописнее тела мятежных сикхов, перебитых англичанами четыремя месяцами раньше, в садах Сикандар Бага, летнего дворца набоба княжества Авадха. Мизансценированием реальности грешил и столь же легендарный, как Беато, Мэтью Брейди, летописец гражданской войны в США.

Мельес снял еще и «Морской бой в Греции» (1897), и «Взрыв броненосца „Мэн“ на рейде Гаваны» (1898): изобретенный им

поворотный механизм, создающий иллюзию маневрирования игрушечных судов, используется чуть ли не до сих пор. Морской бой вообще был любимой игрой фальсификаторов, конкурировавших друг с другом с мальчишеским азартом.

Альберт Смит, славный пионер кино, основатель бруклинской студии American Vitagraph, честно пытался снять сражения на Кубе, но на безопасном удалении ему удалось лишь пейзажные съемки. Однако не снять разгром испанского флота в битве при Сантьяго-де-Куба (3 июля 1898) он и его партнер Джеймс Стюарт Блэктон, автор первого в истории пропагандистского фильма «Испанский флаг сорван» (1898), просто не могли: как-никак, первая победа американского оружия со времен гражданской войны.

Купив — а продавались они повсюду — большие фото кораблей ВМС США и Испании, они вырезали их силуэты, прикрепили к деревянным планкам, привязали нитки, как к марионеткам, и запустили в импровизированный бассейн. Голубой картонный задник с намалеванными облаками. Клубится дым от сигар, которые раскуривали эмансипированная жена Блэктона и студийный мальчик на побегушках, мечтавший попробовать господский табак. Пылают клочки ваты, пропитанные спиртом. Двухминутный хит готов.

Эдвард Хилл Ахмет, иллинойский конкурент бруклинских ловкачей, снимая тот же бой, подошел к делу основательнее. Дотошные модели кораблей (1:70), приводимые в действие электричеством, плавали в 10-метровом бассейне в саду его особняка.

Им верили не только зрители. Испанское правительство купило копию фильма Ахмета для архива военного ведомства. Командир канонерки «Везувий», участвовавшей в сражении, недоумевал, как же это снято — ведь бой-то шел ночью. Ахмет с апломбом ответил, что использовал свои секретные технологии: фильтры, чувствительные к лунному свету, и телескопический объектив, «бьющий» на 10 километров.

Даже выход на поле боя мощных армейских кинослужб не слишком повысил градус достоверности хроники. Первая «Ар-

мейская киносекция» была создана во Франции (март 1915) объединенными усилиями военного министерства и крупнейших кинофирм. Перед секцией, к которой в апреле 1915 года прибавилась «Армейская фотосекция» (в начале 1917 года их объединят), стояли две задачи. «Создать как можно более полный архив (съемок) военных операций». «Собрать — в целях французской пропаганды за границей — снимки и фильмы, способные продемонстрировать высокий дух войск, их тренировки и совершаемые ими подвиги».

Боже упаси: я не отождествляю пропаганду с ложью: пропаганда — не ложь и не правда, а просто третья реальность. Но летописание и пропаганда сочетаются с трудом. Даже знаменитый фильм Джеффри Мейлинса «Битва на Сомме» (1916) перемежал реальные эпизоды в траншеях с боями, разыгранными курсантами тылового артиллерийского училища.

Пройдет 35 лет, и ничего не изменится: шеф пресс-службы французского экспедиционного корпуса в Индокитае майор Мишель Фруа будет вынужден настрого запрещать инсценировки, предписывая операторам ходить в атаки. Не сказать, что благодаря этому достоверность хроники возрастет прямо пропорционально резко подскочившей смертности среди операторов и фотографов: съемочная аппаратура и в 1950-х оставалась столь же неприспособленной к военно-полевым условиям, как и во времена Вилье.

Русская кинохроника выходила из ситуации, не прибегая к услугам юнкерских училищ. Пятерка фронтовых операторов — точнее говоря, четверка: Топорков, прикомандированный к ставке главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, занимался придворной хроникой — была условно отважна: дважды раненый Эрколь удостоился двух Георгиев. Доред снимал морской бой, стоя на простреливаемой палубе. Но киноиндустрия вполне могла обойтись и без их самоотверженности.

Семен Гинзбург писал в канонической «Кинематографии дореволюционной России» (1963):

Уже через месяц после начала войны (30 августа 1914 г.) крупная прокатная контора «Фильмотека» выпустила документальный фильм «Священная война», почти полностью составленный из старых, довоенных кадров.

<...>.

Поразителен цинизм, с которым были в этом фильме использованы немецкие документальные кадры довоенного времени. В фильме показывался немецкий крейсер, спуск на воду военного судна, торговый пароход и работа германской военно-санитарной службы на маневрах. Если последний сюжет шел под скромным титром: «Военные санитары немецкого Красного Креста», то к первым трем сюжетам были приделаны новые титры. Вместо прежней надписи «Спуск немецкого крейсера» появилась другая: «Спуск немецкого крейсера, ныне потопленного английской эскадрой». Также были сфабрикованы и другие надписи: «германский крейсер, расстрелянный нашими крейсерами» и «Немецкий пароход, разбитый английским флотом». Из общего количества 30 (!) сюжетов только три были в какой-то мере непосредственно связаны с текущим моментом. Это сюжет «царской хроники», изображавшей Николая II выступающим с речью в Зимнем Дворце 20 июля 1914 года, старый хроникальный снимок знаменитого русского летчика Нестерова и переснятая на пленку фотография генерала Самсонова.

Заправили «Фильмотеки» кажутся кристальной честности образцами, если вспомнить, что творили их конкуренты. Фирма «Биохром» «под видом итальянской кинохроники, выпускаемой на экран в связи со вступлением Италии в войну на стороне Антанты», предоставляла кинотеатрам «шведскую кинохронику, изображающую шведские войска и шведского короля Густава, принимающего парад. „Часть публики недоумеает, — писала по этому поводу „Газета-копейка“, — а часть шепчет — „Виктор-Эммануил!“ И требует — гимн!“».

Варшавский корреспондент «Копейки» Скиталец жаловался:

Давняя фильма, изображающая форты Нью-Йорка и стрельбу из пушек, здесь выдается за... кто бы подумал? — работу легиона добровольцев по обороне Реймса... Обрывок из журнала Пате

за 1911 год, представляющий пожар леса близ Сан-Франциско, здесь фигурирует как «Пожар в Аргоннах». Такие обманы встречаются ежедневно...

Явные инсценировки советской кинохроники Великой Отечественной войны принято наотмашь списывать на «большевистскую ложь». Эта антикоммунистическая агитка сродни инвективам в адрес Совинформбюро, «скрывавшего» потери Красной армии. На войне как на войне: людям необходима вера в победы, пусть до поры до времени и мнимые, но предвещающие победы реальные, а о потерях им — пока не придет время «считать раны, товарищей считать» — лучше не знать. На самом же деле инсценировки были инициативой фронтовых операторов. А из Москвы как раз летели на места жесткие, профессиональные требования: покончить с «так называемой организацией материала», «грубейшими инсценировками».

Совершенно не чувствуется подлинная атмосфера войны. В кадрах нет никаких следов огня противника, нет раненых или убитых с нашей стороны.

<...>

Когда оператор панорамирует с «Катюш», ведущих огонь, на взрывы, происходящие на этом же участке поля, совсем неподалеку, то «организация» бьет в глаза особенно резко. Взрывы деревьев вовсе не могут быть результатом огня. Это похоже на взрыв заложенной мины.

<...>

Плохо снят эпизод сдачи в плен румын — это организованная «массовка».

<...>

Нельзя снимать летчиков, которые громят врага на аэродроме. Надо с ними лететь и снимать их в бою.

Вопль души: «Советский фронтовой репортаж не должен и не может быть фальшивым».

Но не помогло даже московское совещание начальников фронтовых киногорупп (май 1942), созванное начальником

Главного политического управления РККА, «тем самым» Львом Захаровичем Мехлисом. Не только зрители, но и начальство «Союзкиножурнала», и фронтовые политуправления в равной степени жаждали зрелищ, и страшный Мехлис не мог ничего с этим поделать.

Да и как винить идущих в пекло фронтовых операторов, которым сам бой снять не удалось, пришлось доснимать? При том, что и в досьемках и бойцы, и трупы, и поле боя — настоящие. Один только список павших — и в глубоком немецком тылу, в партизанских отрядах — операторов ставит их выше любых обвинений. Если быть последовательными пуританами, требующими от хроники сугубой достоверности, придется признать, что верить можно только тем операторам, которые сняли собственную смерть. Как снял ее Леонардо Энриксен, убитый (29 июня 1973) в Сантьяго во время пробного фашистского мятежа против правительства Альенде.

Но самый богатый материал для рефлексии дают не мировые войны, а мексиканская революция, унесшая в 1910–1920 годах до миллиона жизней — «первая в истории медиа-война».

Диктатор Уэрта, желая, чтобы недружелюбные США оценили боеспособность его армии, заставил оператора Роберта Вагнера чуть ли не десять часов подряд крутить ручку, снимая парад, а затем — инсценированные атаки. Пленка давно кончилась, но куда было деться Вагнеру, как послушаться психопата, который только что пристрелил свергнутого им законного президента и вице-президента.

Вагнер угодил в лазарет: распухшую руку парализовало, в бреду он все крутил и крутил ручку. Незадолго до того он хладнокровно снимал «трагическую декаду» уличных боев в Мехико между путчистами и лоялистами: «снимать уличный бой несложно». Но, по собственному признанию, большую часть съемок инсценировал с помощью тщеславных генералов, готовых «воевать» вновь и вновь, не дожидаясь, пока похоронные команды унесут трупы. Впрочем, и американские морпехи,

высадившиеся в апреле 1914 года в Веракрусе, так же повиновались оператору Виктору Милнеру, «на бис» штурмуя городской почтампт — ради вящей славы армии США.

Милнер — циник, да? А как насчет самоотверженного поляка Антони Богдзевича, в аду Варшавского восстания (август 1944) заставившего повстанцев «дублировать» бой за костел Святого Креста? Он тоже циник?

Но любимцем американской публики был не Уэрта, а низвергший его Панчо Вилья, в недавнем прошлом — благородный бандит, ныне главком революционной Северной дивизии, «Кентавр Севера», сумевший — наряду с Махно — воплотить (да еще и на огромной территории) работающую анархистскую утопию. Пока он не атаковал в марте 1916-го приграничный американский городок Коламбус, оказавшись вдруг «чудовищем» и «садистом», США видели в Вилье стабилизирующий фактор гражданской войны. Его сопровождали десятки журналистов, включая легендарного Джона Рида и Рауля Уолша, будущего режиссера «Судьбы солдата в Америке».

Уолш много чего рассказал в своих мемуарах, но байки голливудских стариков стоит делить на десять. Студия якобы приплачивала ему по 500 \$ за съемки казней. Вилья обычно расстреливал с двух до четырех часов ночи — не беда.

Не волнуйтесь, дон Рауль. Если в четыре свет не годится для вашей машинки, никаких проблем: перенесем казни на шесть. Но никак не позже. Потом мы идем маршем в бой. Поняли?

А вот еще:

Я велел (Вилье) скакать на камеру. Мы расположились на верху улицы, а он должен был прискакать к нам на скорости 90 миль в час, погоняя и прищпоривая лошадь. Не сосчитать, сколько раз мы ему кричали: «Despacio! Despacio!» — «помедленнее, сеньор, ради бога, помедленнее».

Уолш вспоминал, как, рискуя жизнью, уговаривал «дорадос» — «золотых» гвардейцев Вильи — снять с трупов и напя-

лить на себя мундиры ненавистных «федералистов», чтобы сыграть в реконструкции. На первых порах они сочли это оскорблением, потом согласились. Однако в разгар съемок начинали неудержимо хохотать: типа, ну и рожа же у тебя, Альваро, в этом мундире.

Трюк с переодеванием придумал Уильям Диксон еще на англо-бурской войне (1899–1902).

Уникальность и прелесть ситуации с Вильей — в том, что он не просто позировал Уолшу и другим операторам студии Mutual, а был ее сотрудником.

Третьего января 1914 года Mutual заключила с генералом секретный — впрочем, уже 7 января о нем раструбила New York Times — контракт «весом» в 25 000 \$. Благодаря газетам, он оброс множеством экзотических подробностей. Якобы штурм стратегически важного города Охинага был отсрочен, дабы операторы могли выбрать выгодные точки съемок, что привело к тяжелым потерям. Якобы Вилья обязался сражаться исключительно с 9 до 16 часов и сменить полевую форму на опереточный наряд «генерала-дикаря» из костюмерной Mutual. Короче, контракт разве что не обязывал Вилью свергнуть Уэрту в жестко оговоренные сроки под угрозой неустойки.

Единственная копия контракта сохранилась в городском архиве Мехико и была обнаружена недавно. Никакой экзотики. «Mutual» получала эксклюзивное право снимать боевые действия, Вилья — 20% от сборов. Впрочем, уже через пару недель янки отказались от документального проекта: война упорно отказывалась быть киногоеничной. Не беда: на смену ему пришла идея игровой, но с хроникальными элементами, авантюрной мелодрамы «Жизнь генерала Вильи»: в заглавной роли сам «кентавр» чередовался с Уолшем, сыгравшим юного генерала, ушедшего в революцию, мстя, само собой, за честь сестры. Сражения снимали на северном, американском берегу Рио-Гранде: может, так и наклеили налет на Коламбус.

Шутки шутками, но Вилья, безусловно, первая мексиканская кинозвезда.

У фальсификаторов множество смягчающих обстоятельств, но один их невольный грех непростителен. Они создали презумпцию профессиональной виновности. Так, под подозрение попали самые знаменитые военные фотоснимки XX века: «Смерть республиканца» (1936) Роберта Капы и «Комбат» (1942) Макса Альперта. Испанский «милисианос» якобы «умирал» по договоренности с Капой, а младшего политрука, поднимающего батальон в атаку, Альперт снял еще на довоенных маневрах.

На опровержение подозрений уходят десятилетия, да и опровергнуть их удастся лишь благодаря немыслимо счастливому случаю. Имя политрука Алексея Еременко удалось установить еще при жизни Альперта, умершего в 1980-м. Имя Федерико Бореля Гарсиа — многие годы спустя после гибели Капы (1954) в Индокитае. А как быть с десятками миллионов безымянных павших в жизни и на фото или киноплёнке? Они ведь тоже под подозрением.

P. S.

Публицист и политик (кадет, затем — народный социалист) Сергей Мельгунов, высланный (1922) из РСФСР, опубликовал в изгнании книгу «Красный террор в России» (1923). Она и поныне — единственный источник самых кромешных историй о зверствах большевиков, хотя основана на материалах белогвардейской пропаганды. Одна из таких историй имеет отношение к кино.

С Джонстоном (*дивный персонаж городской легенды: негр чекист — М. Т.*) могла конкурировать в Одессе лишь женщина-палач, молодая девушка Вера Гребенникова («Дора»). О ее тираниях также ходили целые легенды. Она «буквально терзала» свои жертвы: вырывала волосы, отрубала конечности, отрезала уши, выворачивала скулы и т. д. Чтобы судить о ее деятельности, достаточно привести тот факт, что в течение двух с половиной месяцев ее службы в чрезвычайке ею одной было расстреляно 700 с лишком человек, т. е. почти треть расстрелянных в ЧК всеми остальными палачами.

На самом деле все гораздо смешнее. Дора Явлинская была женой чекиста Вениамина Сергеева: после падения советской власти в Одессе он переметнулся к белым и выдал большевистское подполье. Этим его вклад в «белое дело» не ограничился: он участвовал в написании сценария и съемках фильма о зверствах ЧК: главную роль женщины-палача сыграла Дора. Фильм потряс публику — Дора зажила своей жизнью. Когда красные вернулись в Одессу, супругов судили открытым судом и расстреляли.

P. P. S.

Вилья в роли Вильи: это звучит экстравагантно лишь на современный слух. Для своего времени — нормальная практика.

Александр Марьямов в книге «Довженко» (1968) живописал конфуз, случившийся на съемках фильма Георгия Стабового «ПКП» («Пилсудский купил Петлюру», 1926).

Один из актеров зашел в станционную парикмахерскую. Парикмахер пригласил его в кресло. Не глядя, накинул салфетку, взбил мыло, подошел с кисточкой, посмотрел в зеркало и... грохнулся в обморок, узнав своего клиента. Он видел его каких-нибудь пять лет назад в той же Жмеринке, верхом на черном коне, в зареве пожара, в разгуле самого страшного погрома из всех, которые пережило это местечко за время гражданской войны. Парикмахер не ошибся. В его кресле сидел бывший бандит, атаман Юрко Тютюнник, игравший в «ПКП» самого себя.

Петлюровский генерал Тютюнник, в 1923 году нелегально вернувшийся на Украину и захваченный ГПУ, деятельно раскаявшись, не только преподавал в Харьковской школе красных командиров, но и участвовал, пока его, наконец, не расстреляли (1930), в украинском культурном «возрождении». Написал совместно с Александром Довженко сценарий «Звенигоры» (1928) и вот сыграл самого себя у Стабового.

Дополнительную пикантность съемочному процессу придавало то, что сценарий написал 30-летний Яков Лифшиц. Пред-

седатель Киевской ГубЧК, а затем — заместитель ГПУ Украины, он лично брал Тютюнника. В общем, на съемочной площадке им было о чем вспомнить.

ЕСЛИ БЫ ЗНАТЬ

Историки могут сколь угодно убедительно доказывать неизбежность Первой мировой: передел колоний; борьба между «старыми» и «молодыми» империями; незаживающий «восточный вопрос». Да, да, все так, все по Ленину, но, презирая любые объяснения, эта война упорно сохраняет мистическую ауру грома среди ясного неба.

Похоже, что ее не ждал никто, кроме генштабистов (их работа в том и заключается, чтобы ждать войну) и бульварных беллетристов. Но кто же в здравом уме и трезвой памяти принимал всерьез чтиво о грядущей мировой бойне? Лучшие умы человечества умилялись благолепию, воцарившемуся в Европе после франко-прусской войны 1870 года и кровавого торжества буржуазии в гражданской войне с Парижской Коммуной. За исключением балканской вечно стреляющей глуши, конечно: но, на европейский взгляд, Балканы были уже Азией.

Читайте бульварщину, рассматривайте комиксы, и вы увидите будущее. Конечно, не в деталях. Скорее всего, в кривом зеркале. Но если авторы грошовых книжек в бумажных обложках решили, что мировая война будет, значит, ее не миновать.

Первородство принадлежит милейшему рисовальщику Альберу Робида (1848–1926). Репортер, насмотревшийся на бедствия осады Парижа пруссаками и Коммуны, создал (1880) легендарный журнал «Карикатура», где в 1883 году и появились его фантазии на тему «Война в XX веке». Его коньком вообще был юмористический футуризм. Хрестоматийный рисунок Робида изображал «Разъезд из Оперы в 2000 году» (1882): меломаны разлетаются по домам на фантастических аппаратах.

На первый взгляд, военный цикл — тоже чистой воды ерничество, треп на полпути между Жюлем Верном и Мельесом. Что за чушь, право слово: смертельная схватка за мировое господство между (прочие нации к 1915 году, на который Робида пророчески запланировал войну, впали в старческий маразм) Австралией и Мозамбиком. Увидеть в «удушающем тумане» предчувствие газовых атак никак не получается. Ведь наряду с туманом в арсеналы будущего входили «перфораторы» — этикие гигантские штопоры, роющие тоннели в обход неприятеля, и «взрыв резервуаров электричества», вызывающий у жертв приступ эпилепсии.

Но сказка ложь, да в ней намек. Свою фантазию Робида предварил вполне серьезными рассуждениями о том, что старые добрые войны за территории, престолы или какое-нибудь там «испанское наследство» ушли в прошлое. Грядущая война — продолжение бизнеса другими средствами, это война за рынки, это, по большому счету, кровопролитные биржевые спекуляции.

Робида довелось увидеть такую войну воочию, пережить гибель сына и тяжелые ранения двух других. Под Верденом погибнет (1916) и подполковник Эмиль-Сиприен Дриан, в мирные времена баловавшийся пером под псевдонимом Капитан Данри. Он был вторым по популярности во Франции — после Луи Буссенара — сочинителем романов о приключениях в колониях и зятем генерала-авантюриста Буланже, прославившегося опереточной попыткой совершить (1891) бонапартистский переворот и романтическим самоубийством.

Что касается его видения грядущей войны, историки называют Дриана «паникером», если не «параноиком». Что проку от того, что в «Войне завтрашнего дня» (1888–1893) он описал германское вторжение во Францию, если в «Роковой войне» (1902–1903) нагнетал ужасы неминуемой британской агрессии, в «Желтом вторжении» (2009) — китайской, а в «Черном вторжении» (1894) — африканской. Лишь одно оставалось неизменным в его романах: с кем бы ни сражалась Франция, ей

непременно пакостили американцы и евреи. Вместе с тем, что касается прикладной футурологии, Данри не было равных. Он не бредил о «перфораторах», а профессионально — настоящий полковник — прогнозировал военное применение уже сделанных открытий: авиации, субмарин, газов.

Самое удивительное, что почти никто из литераторов стран Антанты не видел преимущественного врага в «тевтонах». разве что гениальный Герберт Уэллс живописал в «Войне в воздухе» (1908) разрушение Нью-Йорка германскими дирижаблями, однако и у него война между белыми людьми оказывалась лишь прелюдией к азиатскому нашествию.

Да еще ирландец Эрскин Чилдерс в «Загадке песков» (1903) обнаружил найденный его героем план немецкого вторжения на Альбион. Судьба сыграет с Чилдерсом кошмарную шутку: в 1922 году его расстреляют за найденный в кармане его плаща револьвер. Побочная жертва гражданской войны между фракциями ирландских республиканцев, которые в годы первой мировой видели в немцах естественных союзников против ненавистных колонизаторов и были не прочь поспособствовать германскому десанту.

Кто же и с кем собирался, на взгляд эпохи, воевать? Ответ поразителен, но очень характерен для эпохи победоносного колониализма, по-нацистски совершенного в своей бесчеловечности. Грядущая война в подавляющем большинстве романов — война англо-саксонского мира против низших рас, то есть против остального человечества. Разделение человечества на морлоков и элоев было для Уэллса антиутопией («Машина времени», 1895), а для Роберта Коула («Борьба за империю», 1900) — утопией: «одаренные» — так природа захотела — должны властвовать над «бездарными» рабами.

Гибели турок, французов и прочих макаронников Коул почти что не заметил: они только путались под ногами у геополитических соперников. Главные же, смертельно опасные враги англосаксов — это «желтая раса» и славяне. (Славяне Владимир Соловьев и Андрей Белый, впрочем, в те же годы тоже бреди-

ли «желтой угрозой».) Война имела все признаки геноцида, хотя — и поскольку — велась исключительно ради воплощения древней мечты человечества о мире во всем мире. Так ведь и Первую мировую во Франции прозовут «La der des der»: арготическое сокращение от «последней из последних».

В романе Стэнли Ватерлоо «Армаггедон» (1898) славяне характеризовались как «миллионы невежественных, бесполезных, безнадежно погрязших в бедности людей, чья раса, язык и свойства чужды нам». Испытав на славянах неотразимую мощь чего-то вроде баллистических ракет, гениальный изобретатель-янки в финале воспевал — как не увидеть здесь предчувствие риторики ядерного века — оружие, столь мощное, что оно превращает любую войну в самоубийство, гарантируя вечный мир.

В романе Мэтью Шила «Желтая опасность» (1898) правитель Китая, воспылав к британке, обрушивал на Европу 400-миллионную орду китайцев, «обливающихся потом, обезумевших от похоти и жаждущих крови». Утолив на время жажду, узкоглазые унтерменши забывались сном прямо на горах европейских трупов. Британцы отказывались от мысли отразить нашествие мощью своего флота из чисто гигиенических соображений. Двадцать миллионов китайских трупов, запрудивших Ла-Манш, гарантировали экологическую катастрофу. Решение китайской проблемы находил доктор — нет, не Менгеле — Харди. Привитые им 150 китайцев разнесли среди соплеменников бубонную чуму.

Похожим образом спасал белых людей в 1970 году, даже не дожидаясь китайского нападения, изобретатель Лэннингдейл из «Непараллельного вторжения» (1910), увы, Джека Лондона. Всего-то делов: сбросить с самолета на Пекин несколько ампул с коктейлем из бактерий оспы, желтой лихорадки, холеры и бубонной чумы. После чего достаточно установить военно-санитарный контроль по периметру Китая, уничтожая всех, кто пытается выбраться из отравленной страны. Через полгода можно, отстреляв бродячих собак и разбойников, дезинфицировать то,

что некогда называлось Срединной империей, и отпраздновать наступление нового золотого века искусств и ремесел.

Сэмюэль У. Оделл («Последняя война, или Триумф английского языка», 1898) предлагал испелить Россию и Китай полутора тысячами «космических снарядов», оснащенных боеголовками невиданной разрушительной силы и «негасимым огнем». Девять миллионов варваров погибнут, остальные вымрут сами, после того как у них конфискуют земли и запретят говорить на родных языках.

(Напалм изобретут только в 1942-м, а американский план «Дропшот» в 1949-м будет предусматривать «всего» 300 ядерных ударов по СССР.)

Осчастливив Землю, герои Коула устремлялись в поисках нового достойного противника на окраины Вселенной. Но убивать инопланетян, попадавших им, не составляло труда, то есть было попросту скучно, пока англосаксы не наткнулись на сириан с планеты Кайрет. Те даже пытались, шалунишки, бомбить Лондон (прямо как мыслящие тараканы из «Звездного десанта» Верхувена), но были истреблены до последнего.

Если по Коулу столицей счастливого человечества становился Лондон, то по Оделлу к 2600 году победоносные США — то есть уже, конечно, Соединенные Штаты Мира — состояли из 185 штатов. Забавно: сейчас ООН объединяет всего на восемь государств больше, а в конце XIX века такое преумножение суверенитетов казалось еще более невыносимым, чем война с сирианами.

Конечно же, это не китайцы жаждали крови, бредили глобальной резней, а как раз цивилизованные нации: это главный вывод, который следует из чтения Коула и Оделла. Изящно и лаконично выразил самоубийственный вектор цивилизации тот же Мэтью Шил в «Пурпурном облаке» (1901) — романе, восхитившем Уэллса и Лавкрафта.

Героя, отправившегося на Северный полюс — первому, кто доберется туда, некий миллиардер завещал 175 млн долларов, — не останавливает проповедь странного священника, сулящего смельчаку ужасную судьбу. Достигнув полюса, он замечает в не-

бесах удивительное пурпурное облако, чувствует персиковый запах, видит на обратном пути мертвых животных и людей и понимает, что это облако — сама смерть.

Неуязвимый, он добирается через океан, который бороздят суда с мертвыми экипажами, до мертвого Лондона. Он — властелин вселенной, но зачем ему эта власть? Он жаждет совершать преступления, но где взять жертв? От нечего делать он сжигает Лондон, затем — Париж, Калькутту, Сан-Франциско. Надеется найти хоть одну живую душу в Китае, но вынужден, опять-таки, довольствоваться созерцанием горящего Пекина. Лишь в Стамбуле ему везет. Пожар освобождает из подземной камеры под султанским дворцом прекрасную юную и нагую турчанку. Они могли бы стать новыми Адамом и Евой, но герой не может не повиноваться голосу, твердящему: «Убей, убей и погрязни в пороке».

Этот голос звучал в мозгу всей Европы.

Впрочем, и сам Шил, похоже, слышал подобные голоса.

Киплинг назвал одну из своих лучших новелл «Человек, который был королем». Шил тоже был королем. Фелипе I, королем Редонды. Этот антильский островок площадью 1,5 на 2 км отец Шила прикупил (1865), чтобы разрабатывать залежи гуано. В 1880-м Виктория якобы даровала ему право присвоить сыну королевский титул: так 15-летний Шил стал монархом. Но вот сколько-нибудь масштабного злодеяния ему совершить не удалось: в 1914-м его приговорили к 16 месяцам тюрьмы за совращение 12-летней падчерицы.

Зато именно его посетило небольшое, но гениальное озарение. В 1896 году он написал роман об inferнальных бандах, терроризирующих человечество. И назвал эти банды простенько и со вкусом: «СС». До появления на свет Гиммлера оставалось четыре года.

P. S.

В отличие от беллетристики, кинематограф о грядущей войне почти не задумывался. Разве что в 1909 году англичанин

Уолтер Р. Бут снял, по мотивам Жюль Верна, «Истребителя дирижаблей» — прелестную, мельсовскую, футуристическую фантазию на тему воздушных ристалищ. Да еще за несколько месяцев до начала войны вышла пацифистская мелодрама Альфреда Машена «Будь проклята война». На экранной войне первыми погибали дружба и любовь. Герой сбивал в воздушном бою друга (в сестру которого был влюблен) из сопредельного государства. Друзья друга, в свою очередь, убивали убийцу. А несчастная девушка находила утешение в объятиях друга брата.

Примечательно, что этот фильм — бельгийский опус. Слово предчувствовал Машен, что само имя нейтральной Бельгии, на территории которой немцы совершат военные преступления, раздутые до циклопических масштабов пропагандой Антанты, станет своего рода паролем, призывом отомстить «тевтонским варварам» за кровь стариков, женщин и детей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Десятилетие первое	9
Божий потрошитель	24
Реванш капитана Дрейфуса	35
Правдивая ложь	44
Если бы знать	56
Десятилетие второе	63
Он утонул	80
Изя Фантомас	92
Два студента	98
Десятилетие третье	107
Поколение, которое всегда с тобой	123
Ататюрк	135
Троцкий	140
Линдберг	146
Десятилетие четвертое	151
Всемирная гражданская	169
Это не паранойя: вас изучают	177
Чан Кайши	183
Десятилетие пятое	191
Абстракционизм на службе империализма и реакции	204
Четыре фотографа	208
Виши	223

Десятилетие шестое	235
Девочки на булавочках	249
Камю	254
Дориан Чаплин Грей	259
Король и капуста	264
Десятилетие седьмое	269
Революция студенческая	278
Революция культурная	284
Куба	290
Джоконда Гагарин	298
Зачем вы меня снимаете? Я ведь уже умер!	308
Десятилетие восьмое	313
Человек из льда	328
Сукино кино, или Пятый человек	335
Шахиншах	342
Одиссея Аристотеля	347
Десятилетие девятое	353
Приманка для черноногих	369
Берлускони	376
Десятилетие десятое и так далее	383
Резня с улыбкой	397
Фишер	403
Хрестоматия войны	406

Литературно-художественное издание

Михаил Трофименков

XX век представляет. Кадры и кадастры

18+

В книге сохранены особенности авторской пунктуации

Художественный редактор *Павел Лосев*

Редактор *Аглая Топорова*

Корректор *Антонина Семенова*

Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 19.07.2018. Формат 60 x 84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 24,18. Тираж 1000 экз. Заказ ???

ООО «ИД „Флюид ФриФлай“»

109382, Москва, ул. Краснодарская, д. 20, корп. 2

тел.: (985) 8000 366

www.fluidfreefly.ru

e-mail: info@fluidfreefly.ru, levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru